



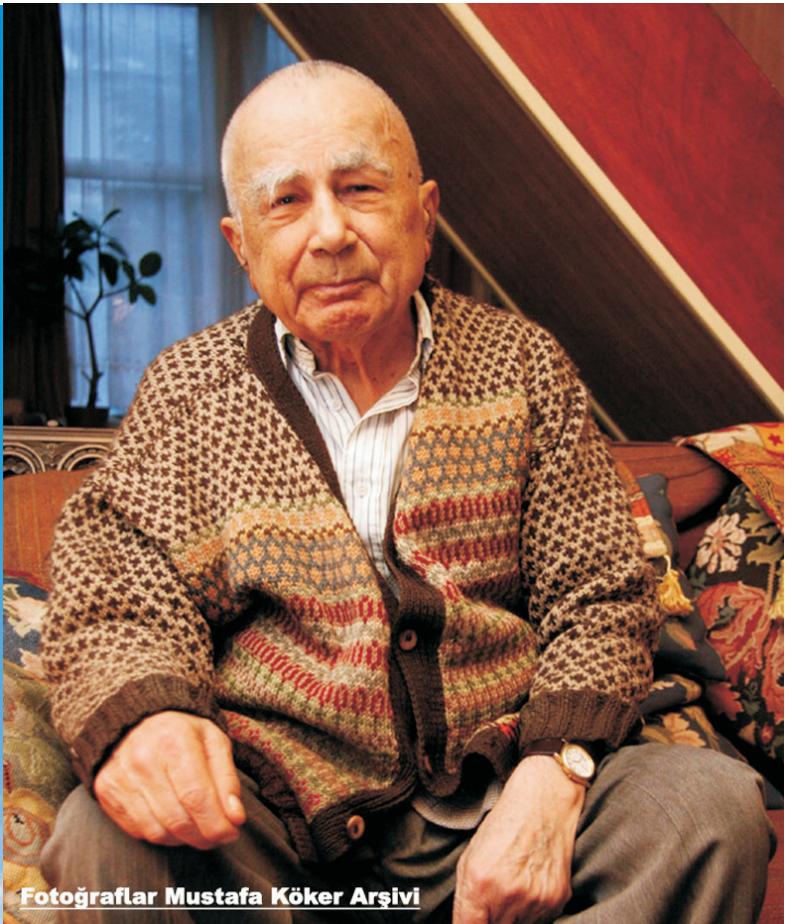
Издается с 15 июля 1990 года

№19-20 (1109-1110) 5 июня 2020 года

Бу йыкъынтыларгъа яхшы  
бакъ! Сен меним эвлядым ол-  
макънен берабер бу топракъ-  
нынъ, бу йыкъынтыларнынъ бир  
парчасысынъ... сени бу топракъ  
догъурды, бу топракъ беследи.

Биль ки, ялнъыз дезильсинъ.  
Буюк бир миллемнинъ зенгин  
кечмиши Ве парлакъ келеджеки  
сенинъле берабер!

Дженгиз Дагъджы, «Къоркъунч йыллар»



Fotoğraflar Mustafa Köker Arşivi



Foto Zarema Yaliboylu

## 100 лет со дня рождения Дженгиза Дагджи

Дженгиз Дагджы – известный крымскотатарский писатель. Его творчество – не только достояние крымскотатарской литературы, но и значимый компонент общетюркской культуры. Подтверждением этому является и диплом ILESAM, которым в 1993 году был награжден писатель Турецким обществом ученых и писателей за выдающиеся заслуги в области литературы тюркских народов. Творчество Дженигиза Дагджы – это чистое зеркало, в котором отразилась жизнь Крыма XX века.



Ressam Ali Ozan Uğur

# 18 фактов из жизни Дженигиза Дагджи

9 марта 2020 г. была очередная годовщина со дня рождения великого крымскотатарского прозаика, романиста, человека, посвятившего Крыму всю свою творческую жизнь, Дженигиза Дагджи (1920-2011). К сожалению, основное его творчество недоступно рядовому крымскому читателю, да и о нем самом мы знаем не так много. Avdet решил исправить этот досадный факт и рассказать некоторые факты из биографии писателя.

1. Достоверно неизвестен год рождения Дженигиза Дагджи. Он точно знал день своего рождения – 9 марта, поскольку его мать записала эту дату на внутренней стороне обложки Корана, а вот год указать забыла. В те времена (после Первой мировой войны, немецкой оккупации, революции) новорожденных не регистрировали. По словам матери, будущий писатель родился через год после ухода из Крыма немецких оккупационных соединений, следовательно, в 1920 году.

2. Дед Дженигиза Дагджи по отцовской линии был крупным землевладельцем в селе Кызылташ (близ Ялты): в наследство семерым сыновьям он оставил виноградники и табачные плантации.

3. Отец Дженигиза Дагджи был парикмахером. Отец будущего писателя Эмирсеин (Эмир-Усеин) по настанию своего отца получил профессию парикмахера, владел парикмахерской, где работал и сам, в Гурзуфе. Кстати, старший брат Дженигиза Дагджи пошел по стопам отца.

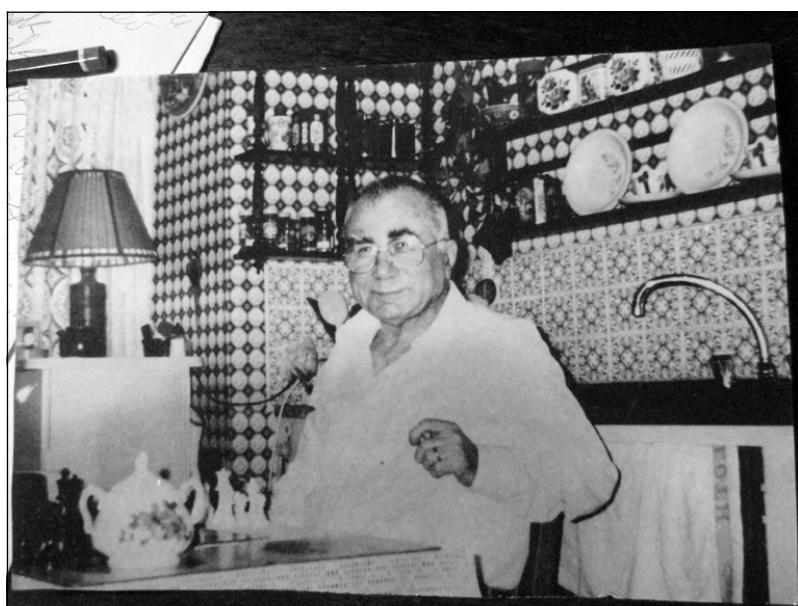
4. Переезд в Симферополь. В 1931 году отца Дженигиза Дагджи арестовали, выпустив спустя три месяца. С тех пор семья покинула свой дом в родовом селе Кызылташе, как и многие крымскотатарские семьи, и поселилась в крошечном доме в общем дворе по улице Малофонданной в Симферополе. Отец Дагджи работал в парикмахерской, расположенной на нынешней улице Севастопольской.

5. Получивший начальное образование в Кызылташской школе Дженигиз Дагджи поступил в 12-ю образцовую неполную среднюю школу в Симферополе, а после окончания 7-го класса перешел в школу №13, расположенную на улице Караймской.

6. В 1937 году Дженигиз Дагджи поступил в одно из двух высших учебных заведений Симферополя – Симферопольский педагогический институт на исторический факультет.

7. Студентом Дженигиз Дагджи подрабатывал в газете «Комсомолец». Три ночи в неделю он дежурил в редакции в ожидании срочных и важных партийных новостей из ТАСС, которые тут же переводил на крымскотатарский язык и до выхода газеты относил их в находившуюся неподалеку типографию. Кроме того, в его обязанности входило писать репортажи то из Ускута, то из Старого Крыма. Позже писатель вспоминал, что его гонорар за две-три колонки текста или одно-два стихотворения был больше, чем месячная зарплата отца.

8. Одно из первых стихотворений Дженигиза Дагджи называлось «Говорите, стены», написанное под впечатлениями от посещения ханского дворца в Бахчисарае и напечатанное в литературном журнале, который возглавлял известный крымскотатарский писатель Шамиль Алядин, в 1939 году.



9. В 1940 году Дженигиз Дагджи был призван в советскую армию и направлен на срочные офицерские курсы, где он выпускал раз в неделю стенную газету, в которую включал и собственные стихотворения. В августе 1941 года на берегу реки Буг Дагджи попал в плен и был доставлен в кировоградский, а позже уманский, лагерь для пленных.

10. Находясь в уманском лагере, Дженигиз Дагджи был выбран из числа пленных одним из немецких офицеров денщиком (убирал его комнату; наводил блеск на его ремень и сапоги; чистил щеткой его форму; приносил еду из расположенной недалеко кухни, в которой готовили только для немцев; когда он собирался выходить из комнаты, подавал Негг Schultzy с вешалки шапку, держал его шинель). Позже владевшего немецким языком Дженигиза Дагджи перевели на работу в немецкую комендатуру. После этого его перевели в Туркестанский легион, располагавшийся в Польше. Дженигиз Дагджи в своих воспоминаниях писал, что «очень мучился» и «находился в сильном душевном кризисе», надевая чужую форму.

11. Весной 1944 года в Варшаве Дженигиз Дагджи познакомился со своей будущей супругой Региной-Барбарой Клешко. Она имела связи с подпольной организацией «Армия Крайова», боровшейся против немецких оккупантов. Именно Регина Клешко спасла жизнь Дженигу Дагджи.

12. С августа 1944 года начал работать в газете «Yas Turkistan» (Молодой Туркестан), которая начала издаваться в Берлине.

13. Дженигиз Дагджи и Регина Клешко сочетались браком 18 июня 1945 года. При этом каждый из них остался в лоне своей религии. Обряд бракосочетания сначала был проведен по-мусульмански в бараке лагеря для беженцев, где они жили, потом по-христиански – в городской церкви. В браке у них родилась дочь Арзы-Урсула.

14. В Англии, куда семья попала после долгих скитаний, Дженигиз Дагджи работал посудомойщиком в ресторане. За семь лет жизни в Лондоне писателю удалось накопить денег и приобрести свой дом в пригороде Лондона, где он открыл собственное кафе.

15. 50 лет о Крыме. Джегиз Дагджи признавался, что на протяжении 50 лет основной темой его творчества был Крым, в частности родные Гурзуф и Кызылташ.

16. После войны Дженигиз Дагджи ни разу не был в Крыму, опасаясь наказания со стороны советских властей, однако часто общался с лидерами крымскотатарского национального движения Мустафой Джемилевым, Рефатом Чубаровым, крымскотатарским писателем и переводчиком Юнусом Кандымом и представителями крымскотатарской диаспоры в Турции, которые рассказывали ему о современном положении

Крыма и крымских татар.

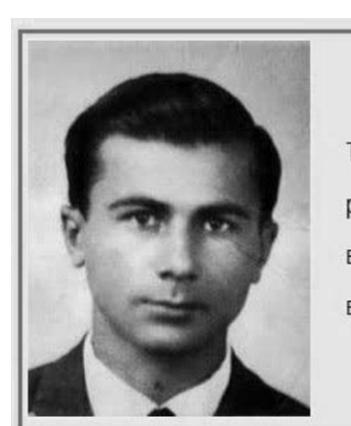
17. Свой первый роман на крымскотатарском языке «Страшные годы» Дженигиз Дагджи начал писать во время войны. Позже он сам перевел его на турецкий язык и в дальнейшем писал только на нем.

18. По собственному завещанию похоронен на Родине, в Кызылташе. На похоронах присутствовали тогдашний министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу и министр культуры Турции Эртугрул Гюней.

## Дженигиз Дагджи так подробно описывал Крым, как будто расстался с ним вчера

Имя Дженигиза Дагджи я впервые услышала от папы, когда мне было около 10-11. Отец всегда говорил, что в Англии живет его брат и он известный писатель. Откуда ему это было известно, мы не знали, но теперь я догадываюсь.

Более близко с дядей довелось познакомиться в Крыму, в 90-е годы. Правда, через его произведения. Первый роман, который я прочитала и который потряс меня, называется «Яңылар» («Отражения»). Я прочитала его в ориги-



Смотри, сын, на эти руины!..

Ты не только мое дитя, ты частица этой земли, этих развалин. Тебя родила эта земля, эта земля тебя вскормила, поэтому знай: ты не одинок. С тобой – великое прошлое и светлое будущее твоего народа.

Дженигиз Дагджи

нале, что было очень важно для меня. Читая его, я встречала столько красивых слов и выражений на диалекте ялыбойлю, которые в детстве слышала от буюканы и которые перестали использовать в разговорной речи, к сожалению. Из этого романа я поняла, какую тоску Дженигиз-эмдже испытывал по родной земле. Каждая написанная им строчка была пронизана ностальгией, и это напоминало мне о папе. Он тоже очень тосковал по Крыму и родной деревне Кызы-

лышташ, пока не вернулся на Родину. Дженигиз Дагджи так подробно описывал каждый камень, тропки в лесу, горы, Гелин-кая, как будто только вчера уехал из Крыма, что я не могла сдерживать слезы и не могла не любить свой Крым, свою Родину еще больше.

Потом были и другие произведения: «Письма к матери», «Человек потерявший родину», «Они тоже были людьми». Один из последних романов, прочитанных мной, был «Къоркъунч йыллар» («Страшные годы»), рассказывающий о годах войны. Нужно сказать, что многие его произведения автобиографичные. Из этого романа я узнала, что Дженигиз Дагджи в 1941 году после окончания педагогического института был призван на фронт. Вскоре он попадает в плен и оказывается в концентрационном лагере. Бежав из концлагеря, он оказывается в Польше, где воевал до конца войны, женился и эмигрировал в Великобританию. Проживая в Лондоне, он написал 12 романов, многие из которых входят в программу изучения в университетах Турции. По роману «Къоркъунч йыллар» в Турции был снят художественный фильм с участием известных турецких актеров.

Однажды я услышала слова одного турецкого чиновника о том, что они научились любить свою Родину благодаря произведениям Дженигиза Дагджи.

Меня очень удивляло то, что Дженигиз-эмдже был в курсе всех событий, происходящих в нашей стране, всего, что происходило с нашим народом, глубоко и тонко анализировал происходящее.

В 90-е годы я дважды пыталась с ним связаться, передавая письмо и видеообращение. Но ответа не получила. Но я не обижалась, т. к. догадываюсь, почему он его не получил. Мне очень хотелось встретиться с ним и поговорить. Но встретилась мы с ним лишь на его похоронах в 2011 году в Симферополе.

Я рада за него и всех нас. Рада, что исполнилась его заветная мечта – вернуться на Родину. Он вернулся навсегда в свою родную деревню Кызылышташ, к любимым скалам и морю, и будет вечно жить в нашей памяти и сердцах.

Эльмира ДАГДЖИ

# Дженгиз Дагджи: жизнь и творчество

Дженгиз Дагджи – известный писатель крымскотатарского зарубежья – родился 9 марта 1920 года в Гурзуфе; среднюю школу окончил в Симферополе, поступил на исторический факультет Крымского педагогического института. В конце 1940 года был призван в армию, затем – война, плен, концентрационные лагеря, жизнь на чужбине (с 1946 года – в Лондоне).

Творческий путь писателя начался до войны. Первые стихи, рассказы, очерки, репортажи печатались в газетах и журналах довоенного Крыма.

Однако как писатель-прозаик, автор эпических полотен разного жанра (романы, повести, дневники-воспоминания и др.) он состоялся за рубежом. Основные темы его творчества: довоенный Крым, война, плен, жизнь на чужбине.

Перу писателя принадлежит двадцать шесть прозаических произведений, большая часть которых исполнена в жанре романа: *Korkunç Yıllar* («Страшные годы»), *Yurdunu Kaybeden Adam* («Человек, потерявший родину»), *Onlar da insandi* («Они тоже были людьми»), *Badem Dalma Asih Bebekler* («Куклы, висящие на ветке миндаля»), *Uşuyen Sokak* («Мерзнящая улица»), *Anıname Mektupları* («Письма к матери»), *Biz Beraber Geçtik Bu Yolu* («Мы вместе прошли этот путь») и др. Три романа тематически не связаны с Крымом: *Gerup Temucin* («Юный Темучин»), *Benim Kibi Biri* («Один из тех, как я»), *Olu ve Korku Giinleri* («Дни смерти и страха»). Особняком стоят три «английские» повести: *Bay Markus Burton'un Koregi* («Собака господина Маркуса Буртона»), *Bay John Marple'in Son Yolculuğu* («Последнее путешествие господина Джона Марпли»), *Oy, Markus, Oy* («Ой, Маркус, ой»).

Первый роман («Страшные годы») Дженгиз Дагджи начал писать во время войны на крымскотатарском языке, однако позже он сам перевел его на турецкий язык. В дальнейшем писал только на турецком: он знал, что его произведения на крымскотатарском языке никто не напечатает и не прочтет, так как путь к крымскотатарскому читателю для него в те годы был закрыт.

Заметное место в творчестве писателя занимают пять книг дневников-воспоминаний *Yansılar* («Отражения»), которые писались им с марта 1985 по декабрь 1992 года, но охватывают события почти вековой протяженности. Это бесценный художественный и одновременно исторический документ, в котором отразились факты биографии писателя, портреты исторических деятелей, феномены культуры, политические события того времени (например, перестройка в СССР, референдум 1992 года в Крыму и др.).

Заметен интерес писателя к культуре разных стран и народов. Историка крымскотатарской литературы заинтересуют свидетельства Дженгиза Дагджи о литературном процессе в довоенном Крыму, его мнение о творчестве таких писателей, как Джаватбели, Эшреф Шемьи-заде, Шамиль Алядин и др. На страницах его произведений часто встречаются также имена турецких писателей (Индже Мемет, Октай Акбал, Яшар Наби Найыр и др.), писателей из различных европейских стран (А. Мицкевич, Рильке, Грэхэм Грин, Генри Миллер, Кафка, Оруэлл, Струндингер, Милан Кундер и др.). Чаще всего, од-

нако, упоминаются имена русских писателей: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, А.А. Ахматовой, С.А. Есенина, А.А. Блока и др. Писатель открыто говорит о своем интересе к русскому народу и его культуре и о том влиянии, которое оказала на него творчество русской литературы: «Никогда ни в одном из своих романов я не выказывал вражды к русским. Наоборот, именно чувство близости к русскому народу открыло мне дорогу в литературу. Я вообще вы-

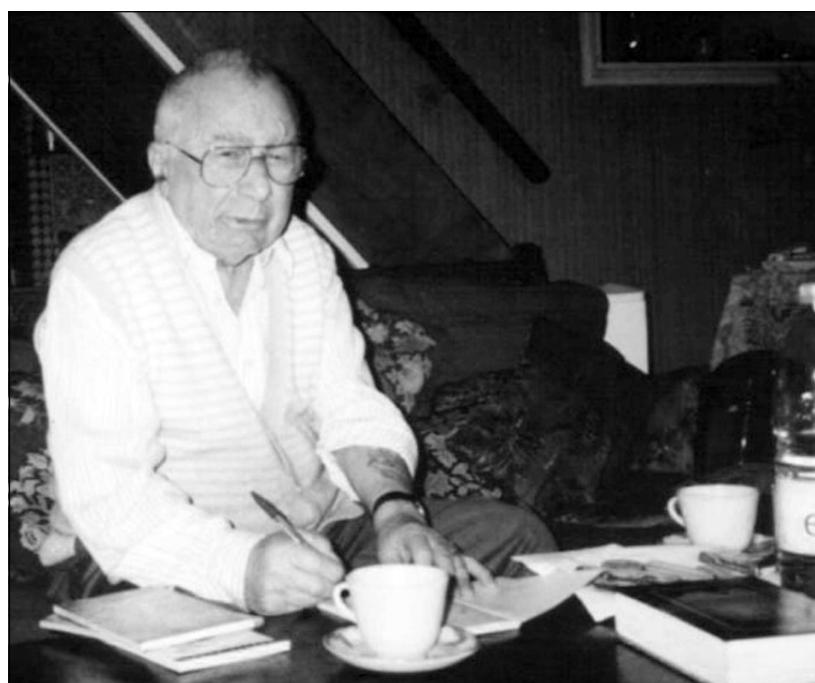
чества, но отражены и его переживания, эмоции, раздумья, в частности об исторических судьбах Крыма и крымских татар. Автор так характеризует жанр книги: «Воспоминания» («Дженгиз Дагджи в воспоминаниях») не художественное произведение; это попытка еще раз окнуть взором свой жизненный путь с ознакомительно-разъяснительной целью. Очень часто я буду говорить о своем сегодняшнем положении; очень часто буду возвращаться в прошлое; говорить о своем душевном состоянии, побуждающем

меня писать; не замечая того, буду повторять фрагменты из моих предшествующих произведений. Наконец, постараюсь ознакомить с собою читателя, который не знаком или недостаточно знаком со мною. (Это касается и моей личной жизни, и моей пятидесятилетней деятельности в области литературы)» [«Воспоминания», с. 9]. И еще: «Воспоминания» – не художественное произведение, не роман. В турецких журналах появлялась искаженная информация обо мне, и потому я по мере сил постарался сообщить правду о своей жизни» [Из письма писателя от 10 мая 2003 года А. Эмировой.]

Для историков и препо-

давателей крымскотатарской литературы особая значимость «Воспоминаний» состоит в том, что в книге они найдут достоверные факты жизни писателя, а также сведения об истории создания всех его произведений.

Творчество Дженгиза Дагджи – достояние не только крымскотатарской ли-



шел из русской культуры. Я воспитан русской культурой, русской литературой. На мое творчество (осознанно или бессознательно с моей стороны) оказалась значительное влияние русская литература» [«Воспоминания», с. 29].

Это влияние русской литературы заметно не только в макропоэтике (композиция, речевая и авторская характеристика персонажей и обстановки, роль пейзажа и пр.), но и в микропоэтике его произведений (характерные для русского языка приемы выразительности). Так, бросается в глаза использование в текстах писателя русизмов и – через русский язык – интернационализмов, в том числе калек разного типа (семантических, словообразовательных, фразеологических, синтаксических). Их употребление в текстах обусловлено тем, что эти языковые единицы были уже знакомы писателю. Более того, по свидетельству писателя, свою первую пьесу «Большая ложь» он написал в 1946 году по-русски, а в 1956 году спешно перевел ее на турецкий язык (пьеса не была напечатана). Жизненный опыт любого писателя, как известно, является той питательной средой, из которой произрастают его творения. Многие факты жизни Дженгиза Дагджи с той или иной степенью достоверности отражены в содержании большинства его романов. Книга «Дженгиз

Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя)» – *Hatırlarda Cengiz Dagci (Yazarm Kendi Kaleminden)* – задумана и реализована именно в жанре автобиографии. Все же – и это признает сам автор – это не «чистая» автобиография, так как в ней дан не только сухой перечень основных событий его жизни и твор-

чества, – оно значимый компонент общетюркской культуры. Подтверждением тому является и диплом ILESAM, которым в 1993 году был награжден писатель Турецким обществом ученых и писателей за выдающиеся заслуги в области литературы тюркских народов. А 26 апреля 2000 года Фонд защиты тюрк-

ской культуры (Стамбул) наградил Дженгиза Дагджи Почетной грамотой турецкого языка.

В одном из писем я задала писателю вопрос: каким писателем – турецким или крымскотатарским – он себя считает? Дженгиз Дагджи ответил так: «*Ben eserlerimi Turkce yazan Kirimli bir yaziciyim*» («Я крымский (крымскотатарский) писатель, пишущий свои произведения по-турецки») [Из письма от 15 апреля 1999.]

По мнению известного русского литературного критика Л. Аннинского, вопрос о принадлежности (отнесенности) творчества художника к той или иной культуре решается достаточно просто: принимает ли и в какой степени эта культура творчество художника [Литературная газета, № 3, 19 – 25 января 2000, с. 10]. Творчество Дженгиза Дагджи воспринимается всеми крымскими татарами, живущими как в Крыму, так и в местах ссылки, как компонент своей национальной культуры. В Турции же оно оценивается как часть турецкой литературы. Эта неоднозначность в оценке творчества писателя объясняется несколькими факторами, один из которых был приведен выше (необходимость найти издателя и читателя). Если при этом вспомнить, что в Турции сегодня проживает около пяти миллионов потомков крымских татар, то позиция писателя и глобальная оценка его творчества в тюркском мире станут понятны и оправданы.

Думается, настало пора и на родине писателя – в Крыму – по достоинству оценить его творчество. Вот как пишет по этому поводу в своей рецензии известный специалист в области теории перевода проф. Новикова М.А.: «Русскоязычный читатель Крыма лишь недавно получил возможность ознакомиться с отдельными фрагментами из произведений писателя в тонких, стилистически изящных переводах проф. Эмировой А.М. Однако давно уже назрела необходимость опубликовать полностью хотя бы одно из произведений Дженгиза Дагджи. Считаю, что наиболее актуален сегодня для многонационального Крыма автобиографический роман «Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя)». Роман пронизан идеями консолидации, призывает к межнациональной толерантности и сотрудничеству».

Особую ценность художественному свидетельству Дженгиза Дагджи придает «взгляд со стороны», взгляд издалека. Такой подход, как известно, дает возможность художнику отойти от сиюминутных страстей и повседневной конкретики, часто искажающей объективную картину событий, и позволяет сконцентрировать внимание на самых сущностных проблемах бытия: взаимоотношений человека и природы, человека и общества, добра и зла, жизни и смерти.

Творчество Дженгиза Дагджи – это чистое зеркало, в котором отразилась жизнь Крыма XX века. И в этом качестве творчество писателя должно быть оценено как феномен общекрымской культуры.

**Адиле ЭМИРОВА, доктор филологических наук, профессор.**



# Страницы крымской истории: «Без Крыма для нас не было смысла жизни...» – Дженгиз Дагджи



«Основной темой моего творчества вот уже пятьдесят лет был Крым. Ни один крымский татарин не смог бы жить без Крыма. Корни существования татар таятся в этой земле», – эти слова принадлежат писателю, которого сегодня по праву называют классиком европейской литературы. 9 марта – день рождения выдающегося крымскотатарского писателя Дженгиза Дагдже, чей жизненный и творческий путь был весьма долгим – его сердце остановилось на 91-м году жизни – 22 сентября 2011 года.

Значительную часть жизни Дженгиз Дагджи провел в Англии, там он и скончался. Однако как писатель он был чрезвычайно известен в Турции – о чем свидетельствует и письмо в связи с кончиной от премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана, и представительный состав турецкой делегации, прибывшей в Крым, чтобы проводить в последний путь писателя, обретшего на родине последнее пристанище ...

После его кончины многие задавали вопрос – чьим писателем он был – турецким или крымскотатарским.

Искрывающий ответ дал сам писатель в апреле 1999 года.

**«Я крымскотатарский писатель, пишущий свои произведения по-турецки», – написал он биографу и переводчику его книг на русский язык профессору, доктору филологических наук Адиле Эмировой.**

Очень любивший Крым Дженгиз Дагджи после войны ни разу не был на родине...

Среднюю школу Дженгиз окончил в Симферополе, где и поступил на исторический факультет Крымского педагогического института. В конце 1940-го года он был призван в армию, затем – война, плен, жизнь на чужбине. С 1946 года до последних дней Дженгиз Дагджи жил в Лондоне.

Его творческий путь начался до войны – в различных крымских изданиях публиковались его стихи, рассказы, очерки на крымскотатарском языке. Но как писатель-прозаик, автор рассказов, повестей, романов, мемуаров Дагджи состоялся за рубежом. «Страшные годы», «Человек, потерявший родину», «Они тоже были людьми», «Куклы», «Мерзнувшие улицы», «Письма к матери», «Юный Тимучин» – это лишь некоторые из его произведений, которые еще ждут своего перевода с турецкого языка...

Долгие годы путь к крымскотатарскому читателю для него был закрыт. Творчество Дженгиза Дагдже – достояние не только крымскотатарской, но и европейской культуры. В 1993 году он был награжден дипломом ILESAM – его присудило Турецкое общество ученых и писателей за выдающиеся заслуги в области литературы тюркских народов. Позже получил премию Общества исследований в области культуры и искусства (ESKADER).

В 1998 году в Стамбуле был издан его автобиографический роман «Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя)», который вышел на русском языке в 2003 году в прекрасном переводе профессора Адиле Эмировой.

Перелистаем страницы этого произведения, в котором немало строк посвящено потерянной родине автора – Крыму...

**«Ни один крымский татарин не смог бы жить без Крыма. Корни существования татар таятся в этой земле. Это очень хорошо понимали и прежний царский, и послереволюционный советский режимы. Они надеялись, что «крымский вопрос», непрестанно мучивший их после завоевания Крыма, можно будет решить одним махом, оторвав татар от их корней».**

Дженгиз Дагджи размышляет о своей родине – Крыме, о своих соотечественниках – крымских татахах, об их исторической судьбе и предназначении:

**«Хотя махровые русские националисты столетиями чернили имя «татары», пытаясь представить татар западному миру как агрессивную силу, пришедшую из Центральной Азии, крымские татары, будучи самым древним народом Крымского полуострова, по крайней мере, как и болгары, венгры и румыны, являются восточноевропейцами. Этот народ, носивший в древности разные имена, после принятия ислама (особенно после нашествия татаро-монголов в тринадцатом веке) при правлении династии Гераев стал известен под именем крымские татары. Я не могу гордиться успешными походами крымских ханов в XVI и XVII веках на земли России, Польши и Литвы; наоборот, я убежден, что эти набеги принесли крымским татарам не пользу, а вред... Особенно же то, что в конце XVIII и начале XIX веков мы не смогли развиваться вместе с Европой, не смогли приспособиться к жизни индустриализующейся Европы, только ускорило ожидавшие нас трагедии».**

Речь шла о безопасности народа, более того, о самом существовании народа, – поясняет Дженгиз Дагджи свою мысль.

**«Надо было любой ценой убрать с дороги тех, кто препятствовал обновлению даже наших религиозных взглядов и обеспечить будущее народа; надо было в течение хотя бы следующих пятидесяти лет осмыслить ожидания народа и добиваться их осуществления. Личности, подобные Исмаил-бюю Гаспринскому,**

**очень поздно появились среди крымских татар: трагедия началась с захвата Крыма Россией и последовавшими за ним переселениями и достигла апогея в тотальной депортации народа сталинским режимом».**

Так пишет о Крыме писатель, многие десятилетия не бывавший на родине. Он размышляет о Крыме, словно никогда и не уезжал отсюда...

Наверное, только ностальгия может породить столь проникновенные строки: «Крымские татары выстояли, несмотря на их малочисленность и безжалостность противостоявшей им силы. Вернувшись сегодня на родину после пятидесятилетней ссылки татары показали всему миру: как без Крыма не бывает крымских татар, так и без крымских татар не может быть Крыма... На первой неделе августа 1988 года я был госпитализирован. Во время длившейся четыре часа операции атрофированный участок вены был заменен новым искусственным органом. Через несколько дней, а может, через два-три месяца, сказали мне, я смогу безболезненно ходить. Я был счастлив. Однако я был счастлив не только поэтому: начавшееся как раз в это время массовое возвращение крымских татар на родину как бы обновляло и укрепляло мою сердечную аорту. Гора Гелинкая в Кызылташе, берега Суваксу и отроги Аю-Дага теперь не были в одиночестве, без меня, однако теперь они, возможно, больше, чем всегда, нуждались в моем голосе и в моем дыхании. Собственно говоря, они никогда не оставались без меня: когда гурзуфцы и кызылташцы жили в степях изгнания, в трагических условиях ссылки, они слышали мой голос, приглушенно доносившийся издалека.

**Родина священна.**

**Народ священен.**

**Нельзя допустить**

**утраты родины».**

Своей кровью и жизнью доказывали это всему миру крымские татары, их упорная борьба за Крым была очень ярким примером для других народов, живших в пределах границ советского империализма, – заключает автор.

Четвертый и пятый тома «Отражений» писались Дженгизом Дагджи с глубоким волнением и энергией, которые придавало ему возвращение крымских татар на родину.

**«Когда я писал это произведение, я тоже возвращался на родину**



вместе с ними, рядом с ними яставил свою палатку на вершине холма Тюбья, вместе с ними ходил по улицам Гурзуфа и Кызылташа, которые в течение пятидесяти лет оставались без нас... Положение возвращавшихся крымских татар со всех точек зрения было бедственным. Без работы. Без жилья. Без школ. После депортации их кладбища были разрушены, а могильные камни их предков были разбиты и использованы при строительстве дорог и зданий; местные жители были настроены против крымских татар, которых они считали врагами; их имена были стерты со страниц трудов по истории; само имя «крымский татарин» было под запретом; в домах, построенных руками их предков, жили приезжие из России и Украины. Вот в каких условиях возвращались крымские татары на родину. Все им надо было строить заново голыми руками».

В устах одного из своих героев Дженгиз Дагджи вложил слова: «Ты не умрешь – тебя родила татарская мать». Сегодня уже можно уверенно сказать, писатель возвращается на родину через свои книги – и непременно обретет ее в сердцах благодарных потомков...

И, думается, каждый крымский татарин – вне зависимости от того, где он живет – будет солидарен с этими словами выдающегося писателя и патриота Дженгиза Дагдже:

**«Для нас Крым стал в полном смысле слова источником духовной силы. Без Крыма для нас не было смысла жизни. Силу и горечь этих слов мы почувствовали, долгие годы живя без Крыма».**

Гульнара БЕКИРОВА, крымский историк, член Украинского ПЭН-клуба



# Творчество Дженгиза Дагджи как феномен тюркско-европейского культурного диалога XX–XXI вв.

Адиле ЭМИРОВА,  
доктор филологических наук,  
профессор

В мировой литературе известен феномен художественного билингвизма, который интерпретируется как творчество писателей, сформировавшихся на перекрестье разных культур и творивших на неродном языке. Творчество же Дженгиза Дагджи может быть эксплицировано как явление художественного полилингвизма.

Интерференция культур проявляется, как известно, в разных формах. Это могут быть внешние, «видимые» формы: личные контакты людей, в том числе деятелей культуры; различные общественные акции (конференции, совместные культурные проекты) и др. Думается, однако, что более значимы скрытые, так сказать, «интимные» формы взаимодействия культур, экзистенциальным пространством которых является внутренний мир отдельной творческой личности, в нашем случае – художника слова.

Творчество Дженгиза Дагджи сформировалось, без сомнения, под влиянием трех художественных культур – крымскотатарской, русской и турецкой. Полагаю, однако, что в художественной эмпирии писателя можно было бы найти «следы» польской и английской художественных культур. (См. ниже.)

Первые свои произведения – стихотворения, рассказы, репортажи, очерки – он писал на крымскотатарском языке. Однако влияние русской литературы на его творчество было заметно и в те годы: оно проявлялось и в специфике жанров (не свойственные традиционной восточной литературе публицистические жанры, социально-политическая лирика, созданная на основе силлабо-тонического стихосложения, и др.), и в тематике его произведений (картины социалистического строительства в городе и деревне). Эти особенности его раннего творчества диктовались временем – развивающимся советским строем с его репрессивным аппаратом. Писать по-другому и о другом никто в те годы не мог.

Воздействие русской литературы на творчество писателя проявлялось и позже. Свою первую пьесу «Большая ложь» Дженгиз Дагджи написал в 1946 году на русском языке; в 1956 году, по свидетельству самого писателя, спешно и неквалифицированно перевёл её на турецкий язык, однако в печать не отдал.

Это влияние русской литературы заметно не только в крупных художественных категориях поэтики его произведений: в композиции, в речевой и авторской характеристике персонажей и обстановки, в роли пейзажа и пр.; оно заметно и в микропоэтике: это характерные для русского языка приемы художественной выразительности. Бросается в глаза использование в текстах писателя русизмов и – через русский язык – интернационализмов, в том числе блок разного типа (семантических, словообразовательных, фразеологических, синтаксических). Их употребление в текстах, несомненно, обусловлено тем, что эти языковые единицы были хорошо известны писателю. Думается, свободный порядок слов в предложении, не свой-

ственный тюркским языкам, но так часто встречающийся в текстах писателя, также можно объяснить влиянием русского языка.

На страницах произведений писателя, особенно автобиографического характера – пять книг «Yansılar» («Отражения»), «Hatırlarda Cengiz Dağcı. Yazarıñ Kendi Kaleminden» («Дженгиз Дагджи в воспоминаниях. Пером самого писателя») и др., – очень часто встречаются имена А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, А. А. Ахматовой, С. А. Есенина, А. А. Блока и др. Писатель открыто говорит о своём интересе к русскому народу и его культуре и о том влиянии, которое оказала на его творчество русская литература: «Никогда, ни в одном своем романе я не выказывал вражды к русским. Наоборот, именно чувство близости к русскому народу открыло мне дорогу в литературу. Я вообще вышел из русской культуры. Я воспитан русской культурой и литературой. На мое творчество (осознанно или бессознательно с моей стороны) оказала значительное влияние русская литература [1, с. 29].

Крымскотатарская составляющая поэтики Дженгиза Дагджи проявилась очень широко в разных категориях: тематике, хронотопе, т. е. сочетании временных и пространственных координат повествования, в сюжете, в системе персонажей, в свойственных крымскотатарскому языку изобразительно-выразительных средствах. Творческая установка писателя выражена в словах: «Вообще я родился вместе с Крымом, с Крымом и умру; и жить буду только с Крымом» [1, с. 203]. «Основной темой моего творчества вот уже пятьдесят лет является Крым» [1, с. 29]. Сами названия его романов прямо или косвенно подтверждают вышеизложенное:

«Yurdunu Kaybeden Adam» («Человек, потерявший родину»), «O Topraklar Bizimdi» («Ta земля была нашей»), «Onlar da insandı» («Они тоже были людьми») и др.

Заметное место в творчестве писателя занимают пять книг дневников-воспоминаний «Yansılar» («Отражения»), которые писались им с марта 1985 по декабрь 1992 года, но охватывают события почти вековой протяженности. Это бесценный художественный и одновременно исторический документ, в котором отразились факты биографии и творчества писателя, портреты исторических деятелей, феномены культуры, политические события того времени (например, перестройка в СССР, референдум 1992 года в Крыму и др.).

Крымскотатарский язык в произведениях Дженгиза Дагджи не дан в прямом наблюдении – он отражен в зеркале современного турецкого языка. Однако пристальный взгляд исследователя обнаруживает в них специфические для крымскотатарского языка лексико-фразеологические и стилистические категории. Прежде всего, это номинации реалий, характерных для быта крымских татар описываемого времени – обширный пласт онимов разного типа: антропонимов, макро- и микротопонимов, уже исчезнувших с карты Крыма и уходящих из памяти людей. Персонажи его

произведений – это вымышленные образы или реальные люди с каноническими мусульманскими именами арабского или – реже – персидского происхождения, относящиеся к разным социальным группам крымскотатарского общества: крестьяне (женщины – Айше, Эсма, Урие, Эмине, Земине, мужчины – Бекир, Энвер, Сейд-Али, Ремзи, Асан, Алим, Сулайман и др.), интеллигенция (Джавтобели, Эшреф Шемьи-заде, Шамиль Алядин) и др.

Это и фразеологические единицы разного рода: идиомы, пословицы, поговорки, присказки и т. п., в которых отразилась «картина мира» крымских татар – их миропонимание, ценностные ориентиры, религиозные постулаты, суеверия, особенности психического склада. Это характерные для крымскотатарского языка приёмы речевой изобразительности: сравнения, метафоры, эпитеты, олицетворения, во внутренней форме которых отражены крымские и крымскотатарские реалии. По свидетельству самого писателя, он «сплетал жизнь героев романа («Письма к матери». – А.Э.), используя красоту и живость родного языка» [1, с. 206]. В этом плане творчество писателя является богатейшим источником изучения и возрождения крымскотатарского языка.

**Турецкая составляющая** поэтики Дженгиза Дагджи проявляется преимущественно как поверхностная, вербальная, форма его текстов: это современный турецкий язык со свойственными ему системами языковых категорий (фонетических, лексических, фразеологических, грамматических, стилистических) и изобразительно-выразительных средств. Кроме того, на страницах его произведений часто встречаются имена турецких писателей: Индже Мемет, Октай Акбал, Яшар Наби Найыр и др., творчество которых, несомненно, было хорошо знакомо писателю.

**Связь писателя с Польшей** – более конкретна и непосредственна. После многомесячного пребывания Дженгиза Дагджи в концлагерях для пленных военное лихолетье занесло его в Польшу (Легионово – Варшава – Ченстохова – Варшава), где он познакомился со своей будущей женой.

Регина-Барбара Клешко увлекалась русской литературой. Собственно, это и послужило поводом для их знакомства: увидев ее в кафе за столиком, на котором лежали книги Лермонтова, Толстого, Блока, Маяковского, Есенина, Дженгиз подошел к ней и тихо продекламировал – по-русски – Блоковские строки:

Вхожу я в тёплые храмы,  
Соверша бедный обряд.  
Там ждут прекрасные дамы  
В мерцании красных лампад.

В семье говорили только по-польски. Писатель хорошо знал творчество польских писателей Жеромского, Сенкевича, Мицкевича, Реймента и др. Думается, пристальный анализ текстов писателя исследователем, хорошо знакомым с польской литературой того времени, мог бы выявить какие-то «польские следы» на текстовом и подтекстовом уровнях его творчества.

**Английский компонент** творчества Дженгиза Дагджи представлен тремя повестями, которые он сам называл «анг-

лийскими»: «Bay Markus Burton'un köregi» («Собака господина Маркуса Буртона»), «Bay John Marple'in son yolculuğu» («Последнее путешествие господина Джона Марпле») и «Oy, Markus, oy!» («Ой, Маркус, ой!»). Уже сам факт создания писателем «английских» повестей говорит о его особом взгляде на жизнь современной Англии.

В Англии до последнего времени не знали о том, что в Лондоне живет и творит известный писатель тюркского мира, который сделал попытку отразить в зеркале своего творчества окружающий его чуждый мир. Мне трудно судить, насколько это ему удалось: к сожалению, мной эти повести пока не переведены. Думаю, однако, что англичанам было бы незынкересно увидеть себя глазами постороннего человека, который более полу века прожил рядом с ними, не теряя своей «восточной» идентичности.

Следует отметить, что заметен интерес писателя и к культуре других стран и народов. На страницах его произведений часто встречаются имена писателей из различных европейских стран: Рильке, Грэхэм Грин, Генри Миллер, Кафка, Оруэлл, Страйндберг, Милан Кундера и др. Можно полагать, что творчество данных писателей было в центре художественного внимания Дженгиза Дагджи и могло в какой-то мере сказаться на его поэтике.

Каково же место Дженгиза Дагджи в мировом литературном процессе? Каким писателем – турецким или крымскотатарским – он себя считал? В одном из писем я задала писателю этот вопрос. Дженгиз Дагджи ответил так: «Ben eserlerimi Türkçeye yazan Kırmızı bir yazıcıım» («Я крымский писатель, пишущий свои произведения по-турецки.») [Из письма от 15 апреля 1999 А. Эмировой.]

Творчество Дженгиза Дагджи воспринимается всеми крымскими татарами, живущими в Крыму и в иных регионах мира, как значимый компонент своей национальной культуры. В Турции же оно оценивается как часть турецкой и – шире – общетюркской литературы.

Дженгиз Дагджи – знаковая фигура в культурной парадигме современного Крыма: сама История избрала его для выполнения особой миссии – миссии сближения культур Востока и Запада: Крыма – России – Турции – Украины – Польши – Англии. Сам Дженгиз Дагджи, возможно, догадывался об этом, однако сегодня его творчество, за исключением нескольких произведений, в России, Польше и Англии неизвестно.

Творчество Дженгиза Дагджи – это художественное зеркало, в котором отразилась жизнь Европы двадцатого века в её историко-событийном и художественном проявлении. И в этом качестве оно может быть оценено как феномен не только крымской, но – шире – общеевропейской культуры.

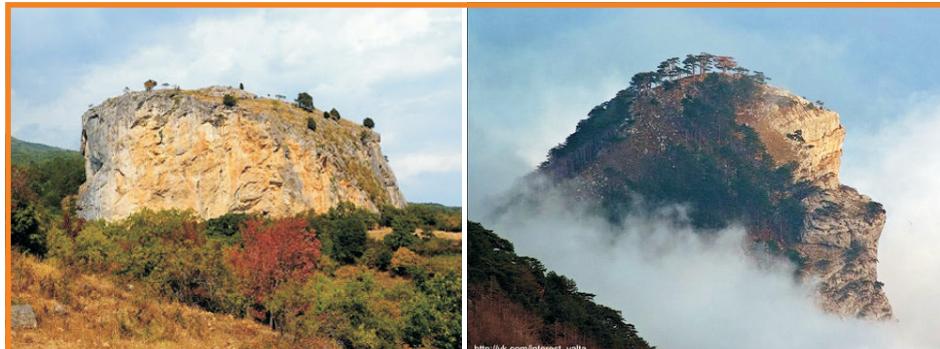
## Список использованных источников

- Дженгиз Дагджи. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя). Перевод с турецкого языка и предисловие доктора филологических наук, профессора А. М. Эмировой. – Симферополь: ДОЛЯ, 2003. – 216 с.

# Отрывки из романа «Они тоже были людьми»

[Дженгиз ДАГДЖИ, перевод]

«Кызылташ прекрасен... У подножья гор возвышается скрывающая крутые склоны нежной желтовато-розово-белой дымкой Гелин-хая. Поодаль — свинцовая Топхая с неизменно прибившимся, опоясывающим вершину, невесть откуда появившимся в небесах облачным лоскутком. Возвышаясь друг против друга, оба утеса все перешептываются неслышно о чем-то своем, задушевном. Только тайна Топхая в сравнении с Гелин-хая будто еще значимее, еще сокровеннее».



«...Эти люди с бесцветными лицами походили на деревья с торчащими наружу корнями, которых земля так и не приняла. Они полностью не высыхают, но и цветов не дают, потому что земля не может дать им достаточно питания, и солнце жалеет от них своих лучей. Вот и живут эти деревья за счет поднявшейся вокруг травы, зелени и побегов, вытягивая из них соки, иссушая их, уподобляя себе».



«Дороги лучше всего видны с Роман-Коша. Сколько их!.. Разбегающиеся от сердца кровеносными сосудами они протянулись из села к каждому полю, каждому навесу, каждому саду, винограднику, чаиру, к каждому роднику, прихотливо укладываясь рядами вдоль моря. Местами они перекрециваются, местами тянутся параллельно, как несчастные влюбленные, которым не суждено соединиться».

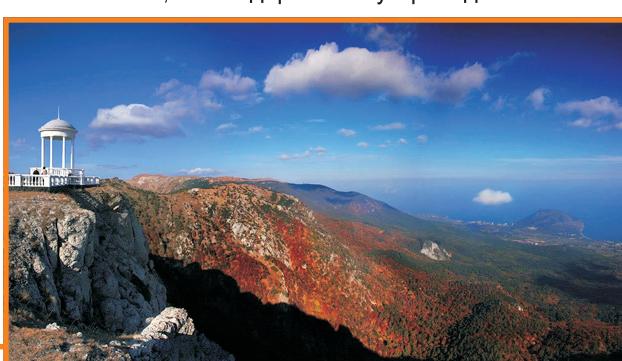
Тысячи лет назад Танры даровал людям эту землю. Никто не помнит

когда и кем распределен каждый ее клочок, только все знают, чьей семьей, чьим родом проложены эти протянувшиеся по земле, передаваемые из поколения в поколение дороги. Никто не сомневается, какая дорога кому принадлежит».

«Солнце нещадно палит, но даже в самое пекло работа не прекращается.

— Отец, и не надоела тебе эта земля? Ведь, если продать сад, поле, хозяйство — этого нам хватило бы до конца жизни. Разве не могли бы мы жить в городе?

— Разве земля может



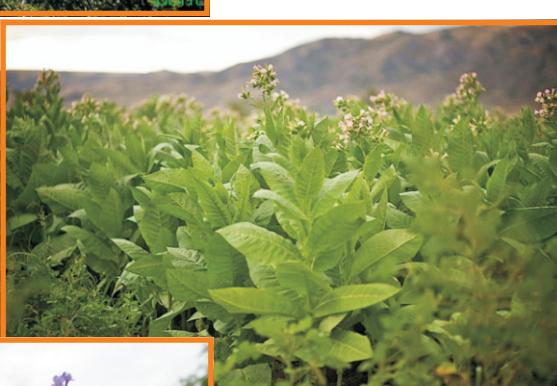
надоест? То счастье и ту радость, что дает нам земля, ничто в мире дать не может».

«Вечера упоительны... В них особенная притягательная сила, заставляющая людей забывать о своих страданиях, усталости и тоске. В них некое особенное сладостное томление. Только люди отвернулись от него. Выбрав землю, они тысячами лет только и видят ее перед собой. Она сдавила их



сознание, принесла столько лишений, губила их. Но, все же, люди больше всего на свете, и не найдется в мире силы, способной оторвать их от нее. И когда их усталые изношенные тела предадут этой же земле — только тогда они вверят свои души небу. Небесной тиши и покою».

«Десятки колен наших пред-



ков корнями вросли в эту землю. Все они вскормлены, взращены и умножены этой землей и под этим солнцем! Да если вырвать с корнем росток из этой земли и пересадить в другую, он все равно высохнет, не примется! Разве не принадлежит нам эта земля по праву вечного наследия от своих отцов и дедов?!»



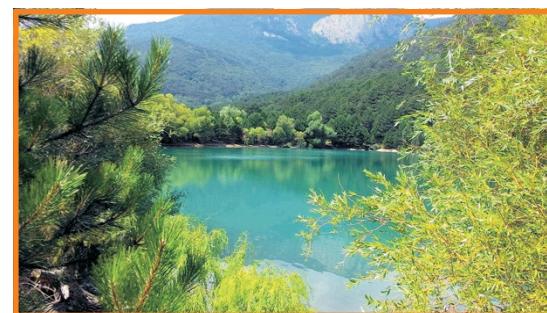
«И вот оно — его поле!

Исходящие от него покой и уверенность наполняют застывшую душу, смягчают сердце. Земля!.. Испокон веков земля его отцов, дедов! Его земля! Сколько государств, сколько правителей приходило и уходило на эту землю, сколько лет позора и унижений терпела эта земля! Малой толикой этой земли было и это поле, оставшееся до этого дня как его поле — Бекирово поле!»

«Комиссар Василь Дмитриевич:



— Товарищи! Между русским крестьянином и татарским — очень большая разница. Эти крестьяне жили, как им вздумается, как они хотят. Они жили под прикрытием слабой власти своих ханов и султанов, не контролируя себя. Они не видели того, чего испытала русское крестьянство, они не знают, что такое крепостное



право, им чужды наши идеалы!

Напоминаю, товарищи! Они все еще помнят о своей государственности. Хотя они живут уже в границах России, все еще продолжают считать Крым землей крымских татар. Общаются они между собой только по-татарски. Забивают умы и сердца своим детям татарскими песнями, делают из них татар, марауют их души, давая им имена своих героев. Если в ближайшее



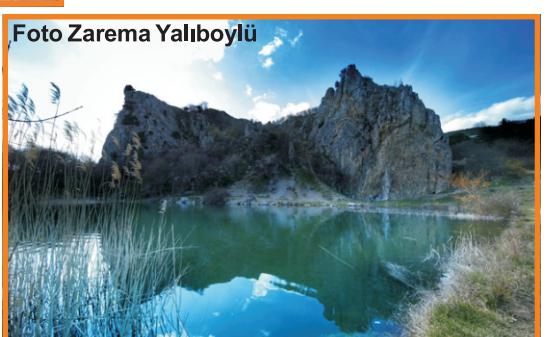
время не пресечь эти заблуждения, вскоре мы встретимся с большими неприятностями».

«Энвер указал пальцем на землю перед собой:

— Эта земля, вот эта вот самая земля, сколько лет у русских царей поперек горла костью застряла! Годами они ее гры



зут, грызут, а проглотить никак не могут! Если мы так и будем себе лежать, ничего не делая да в небо поглядывать, приговаривая: «И горе, и благодать — все от Танры!» — так я вам говорил и еще раз скажу: они эту землю, таки, проглотят. Придет другой царь, от коммунизма, и землю эту проглотит! Нашу землю! Наши, поля, сады из наших рук от



нимет, а нас из наших же домов выбросит!

У кого-то из молча его слушавших лопнуло терпение:

— Энвер, хардаш! Да перестань ты, джаным! Хватит народ с толку сбивать! Да кто к нам придет! Кто нашу землю у нас отберет, если эта земля нам от дедов и прадедов досталась?! Мы стоим на этой земле от самых джинневизов! Сколько сюда этих за- воевателей всяких приходило и уходило! Никто не смог нас с этой земли выбросить. Кто выбросит?

— «Кто выбросит, кто выбросит!» Дождешься, когда у самого крыша огнем займется! Тогда, может, поверишь. Сам же говорил, что коммунизм до нас не дойдет, а он идет. Еще как идет! Кто в колхозы не пошел, тех по тюрьмам сажают. В Акмесджите все мечети закрыли, на двери каждой по амбарному замку повесили! Кто знает, что с нами еще будет! А мы, блаженные, все на что-то надеемся. Так и будем спать, сладкие сны видеть, пока все на свете не проспим!

Горя от возмущения, Энвер переводил испытывающий взгляд от одного к другому, останавливаясь на каждом в отдельности... Окончательно убедившись, что никто ему так и не поверил, в замешательстве опустил глаза, горько усмехнувшись самому себе...»

«Вид их жалок... Будто эти люди не от мира сего. Будто мир и сама жизнь отринули их, отрезав от себя. Ясно, что эти двое — не той породы, что любят землю. И ноги их слишком грубы и жестки — по возделанной земле такими ногами не ходят. И руки растрескались не изнутри, а снаружи... Значит, жизненную благодать они добывают не из земли, если их руки не брались ни за тяпку, ни за плуг, а ждут ее сверху.

Такие люди и раньше приходили, когда в России недостаток какой был — неурожай или голод. Но за последние лет десять в деревнях они не показывались. А тут объявились... Значит, опять Россия в очередное г... вляпалась.

Но, как бы они ни опустились до такого состояния, они, все же — люди. Значит, и встретить их надо тоже по-людски».

# Он вернулся!

[Сервер ЭБУБЕКИРОВ]

Как ни тяжко мне,  
А живу... Приходится жить.  
Но порой нет сил  
В сновиденье увидеть родину –  
И очнуться от этой яви.

(Неизвестный японский автор.  
X век)

Крым. Священная гора Аю-Дагъ. Почему священная? Есть два варианта этиологического решения этого топонима. "Ай у дагъ" – "священная эта гора". А хотите Аю-Дагъ – "Медведь-гора". Медведь был тотемным, то есть священным животным у древних наследников этой земли. В любом случае гора эта – Священная. Кстати, слово "дагъ" в языке

из сентябрьских дней, когда над священным Аю-Дагъом распахнулось небо, на родную землю из далекого-далекого туманного Лондона, через много-много лет вернулась душа великого поэта человеческих душ, певца родной земли, этих сказочных гор и скал, достойного сына Крыма – Дженигиза Дагъджы, 91 год назад родившегося в одном из самых божественных уголков Земного Рая – Крыма.

Снова слово Дженигуз Дагъджи: "...Бывают дороги, по которым не возвращаются. В миролюбивом и гуманном мире не должно быть таких дорог. Однако для меня они стали такими. Я выехал из Крыма пятьдесят семь лет назад и сразу же оказался на дорогах, по которым нет возврата. Я знал, что



крымцев означает два понятия – "гора" и "лес". Известен еще один язык в мире, в котором две эти субстанции "гора" и "лес", передаются одним словом. Это болгарский. Вы спросите, к чему этот филологический экскурс. Я отвечу: да потому что от этого слова происходит фамилия – Дагъджы.

Если смотреть прямо по направлению восхода летнего солнца, то чуть выше священной горы притаилась горная деревушка "Кызылташ" – Красный камень. Это родина отца писателя. А на западе от Аю-Дагъа раскинулся древний Гурзуф – родина его матери, где более 90 лет назад родился мальчик, которого нарекли Дженигизом. И родит эта земля виноград, подобно которому вы не найдете нигде в мире. А когда звучат слова: "Мускат белый Красного камня", замолкают все виноделы мира.

Дадим слово нашему герою: "...Перед тем, как поселиться в Англии, мне пришлось увидеть виноградники Италии и южной Франции. Ни один из них не мог идти в сравнение с виноградниками Кызылташа. Кызылташцы тщательно ухаживали за своими виноградниками. Трудом своим они превратили их в райские сады. В очень раннем возрасте я тоже, как и все кызылташцы, привязался к этой земле..."

Когда поспевала божественная ягода, а происходило это в двадцатых числах сентября, местные жители спрашивали праздник урожая – Дервиза. Не ищите это слово в других языках мира. Не найдете. Слово это древнее, Дервиза – это не только праздник урожая, а это время, когда земля и небо на короткий миг открывают свои врата. И глубоко символично, что именно в один

чтобы Ваши сны о Родине еще при жизни сделать явью.

Корабль не вернулся обратно домой,  
Пусть победа пришла после смертного боя.  
Корабль великан не вернулся домой.  
Наша жизнь игрушка прибоя.  
(Перефраз японского поэта Есано Кана. XIX-XX в.)

"...В средние века художники, рисуя души людей, спорили о том, в какой части тела человека она находится. Когда я представлял себе что-то страшное, я знал: моя душа находится в моих руках..." (Дженигиз Дагъджы в "Воспоминаниях")

...Невозможно понять всю глубину чувства тоски по родной земле. И поэтому, когда Вас угооваривали посетить Родину, Вы, находясь разные личные причины, мягко отказывались. И только где-то глубоко-глубоко, в самых потаенных уголках души был скрыт истинный ответ: а выдержит ли сердце встречу после многолетней разлуки? Понимала это и ответная строка. Но как истинные мужчины Вы не говорили об этом.

Сердце мое  
Словно раненый зверь,  
Но только с родины вести придут,  
Станет ручным,  
Утихнет.

(Японский поэт  
Исикава Такубоку. XIX век).

Но не выдержало сердце другого поэта. Друзья говорили, что посещая Вас в Лондоне, он сильно изменился. Он ходил как в тумане, говорил, что скоро опишет ваши встречи. И только поэт может понять состояние души другого поэта. И нет, видимо, в мире слов, которыми можно описать то чувство, которое называется тоской по Родине. И тогда не выдержало сердце юного друга. И в одно печальное утро разнеслась по Крыму страшная весть: умер поэт Юнус Кандым. И только Вы понимали, что своей смертью более юный друг просил у Бога прощения Вашей Земной жизни...

А сейчас ваши Души встретились, но уже навсегда в лазурном чистом Крымском небе.

Дженигиз-агъа! Ваши произведения учили нас, молодых, как любить не только родную землю, но и самых близких нам людей.

Дженигиз Дагъджы: "...В чужом мире сначала растерявшийся, а потом вообще потерявший дорогу, я неожиданно встретил-

ся лицом к лицу с кем-то, кто отзывается мне на моем языке, на языке гурзуфцев.

Это Регина-Барбара Клешко!

Она стояла передо мной, как самый прекрасный подарок этих горестных дней моей жизни.

"ты узнал меня?" – спросила она.

Я не был уверен, что ее губы произнесли эти слова; возможно, это спросили ее глаза.



Мои глаза отвечали Регине Клешко:  
"Никогда я тебя не забывал".

Мы протянули руки.  
Она мне – обе руки.  
Я ей – обе руки.

И наши четыре руки  
Стали единой рукой.  
Наши два сердца  
Стали единственным сердцем.  
Наши две души  
Стали единой душой."

Дженигиз-агъа, Дженигиз-агъа. В далеких странах, где мы были в депортации, нас, молодых студентов, пытались запугать Вашим именем. Но напрасно старались всевозможные секты. Чем больше они вас хулили, тем более мы Вас любили, Вы были маяком в окружающем мраке. Наши чувства по невидимым проводкам передавались Вам в далекий Лондон. Сегодня информацию передают по интернету. Впрочем, интернет никогда не сможет передать наши чувства. Вы же, все наши чаяния, все наши чувства, которые передавались, возможно, через Бога, отразили в своем произведении, которое так и называется – "Отражения".

Как ни тяжко мне,  
А живу... Приходится жить.  
Но порою нет сил  
В сновиденье увидеть родину –  
И очнуться для этой яви.

(Неизвестный японский поэт.  
IX век).

Дженигиз Дагъджы вернулся!

**Дженигиза Дагджи похоронили на Родине – в Крыму.**

Свое согласие на похороны писателя в Крыму выразили дочь Дженигиза Дагджи Арзу Урсула Поснер и зять Франк Поснер. Представитель крымскотатарской диаспоры в Турции Зафер Карапат сообщил, что дочь и зять писателя отнеслись с пониманием к желанию крымских татар провести похороны писателя на Родине, в Крыму, так как роль Дженигиза Дагджи в тюркской литературе весьма значима, в его трудах главное место занимает Крым.



# Дженигиз Дагъджының Кырымдағы фаалиети

Филология илимлери докторы, профессор  
Исмаил АСАНОГЪЛУ КЕРИМ

Кырымда, Акъмесджитте, «Голос Крыма» («Кырым седасы») газетаның чыкъкъан бир номеринде 95 яшыны толдурған Алиме Акъкъи (Демирджи) къартанагъа хайырлав язысы булунмакъта. Бу хайырламаның мумим ери шунда ки, Алиме къартана 1923 сенеси Кырымның Кызылташ күзюнде дөгъмасыдыр. Бу кой белли языджы Кызылташлының (Дженигиз Дагъджының эдебий лагъабы) бала-лыкъта яшагъан коюдир. Табий ки, Алиме къартаның дөгъгъан, яшагъан ве койниң эски алъыны гузель бильгени мерагъымызын чекти. Экиндже күнү Алиме къартананың кызызы – Мелиха ве торуны – Эдие Мустафаева иле бағыланың. Бир къач афта девамында къонуша-къонуша бу кой ве Кызылташлы ақъкъында Алиме къартанадан базы къыйметли малюматлар ала бильдик.

Бугуньде чешит менбаларда Кызылташлының дөгъгъан сенеси эки тюрлю язылмакъта. Базы менбаларда оның дөгъгъан йылды 1919 ве базыларында 1920 сенеси деп косытерильмекте. Кызылташлының озын хатыраларында анасының айткъанына коре, Биринджи джиан дженки заманында немселер Кырымны терк эткен сонъ, экиндже йылды дөгъгъан [1, с.13]. Бу хатырагъа эсаслансакъ, Кызылташлының дөгъмасы 1919 сенесине келе. Лякин 1936 сенеси советлерде паспорт къануны чыкъкъан сонъ, Акъмесджиттеннин горсовет бинасында эки эким тарафындан бакъылған сонъ берильген ресмий шаадетнамеге коре, 1920 сенеси март 9 ракъамлары косытериле [1, с.14]. Бу ракъамларның экиси де, (яни 1919 ве 1920 март 9) шарттыдыр. Чюнки оларның экиси де ич бир конкрет весикъагъа эсасланғаны белли деги. Яни Кызылташлының бугуньде косытерильген дөгъгъан күнү де шубелидир...

Белли олгъаны киби, 1917 сенесинде, яни чарлыкъ заманы девринде, олюм-догъум, эвленим-айрылма къайдларыны койлерниң имам-хатиплери алъып бармакъта эдилер. Бу ишлер джамилерде булунған «имам-хатип дефтерлери»нде («сиджиль кутюклеринде») къайд олунмакъта эди. 1917 сенесинин декабринден исе, советлерниң чыкъарған яның къанун-къайделери боюнчада бу иш диний тешкилттардан айрылып девлет къолуна кечирильген эди.

1919-1920 сенелери Кырымда советлерниң бу къанунлары чалыштырылдымы-ёкъмы? – белли деги. Бугуньде де бу меселе ачыкъ булунмакъта. Кырымтатарларының 1944-теки сюргүнинден сонъра, милләтнен бағылы бутон язы-сызылары, шу джумледе имам-хатип дефтерлери, Кырымның бутон көшеперинден топланып арбий гарнизонларының азбарларында якъылғаны себебинден, 1920-нджи сенесине къадар ве шу сенелери дөгъгъан бинълернен кырымтатарларының дөгъум йыллары бугуньгедже там азырланып оламай. Кызылташлының да дөгъгъан йылды ве күнү бу сой меселелер иле бағылдыр. Яни оның дөгъгъан күнү ве йылыны там косытерген не ЗАГС къайды, не де имам-хатип дефтеринде къайды таптылмады.

Кызылташлының (Дженигиз Дагъджының эдебий лагъабы) биографиясына айт даа бир меселе – оның советлер ордусына алъынмасыдыр. Оның 1955 сенеси Яшар Набининъ адына ёллаған мектубине коре, 1940 сенеси советлер ордусына алъынғандыр [2, с. 8]. Амма 1940 сенеси Кызылташлы Акъмесджит педагогика институты тарих факультетинин ялынтыз 2-нджи курсуны битире. Окъув йыллары бойледир: 1938 – 39 (бираңжи курс); 1939 – 40 (экиндже курс). Я о вакъытта институтларынъ (педагогика институтларында даа къатты оларакъ) студентлери куньдюз болугинден орду хызметине алъынмай эдилер. Бу ерде, табий оларакъ бойле суаль дөгъя. Насыл этип Кызылташлы 1940 сенеси орду хызметине алъына?

Иште, о девирниң тасиль эснасыны ограйнип бу меселени ачыкълағанда, бойле меракълы малюматлар мейданға чыкъмакъта. 1940 сенесинин 1-нджи сентябринден башлап юкъары сыныф талебелери ве алий тасильде булунған студентлер окъувлары ичюн пара төлемек кереклиги ақъкъында къанун къабул олунса. ССРХ Комиссарлары Шурасының 638

номералы къаарына бинаэн Москва ве Ленинграддаки институт ве университетлерде окъугъан талебелер 400 рубле, башкъа шеэрлерде, шу джумледе Акъмесджитте, окъугъан студентлер сенеде 300 рубле төлемеси керек эди [3]. О вакъытлары ССРР-де ишчинин орта айлыгъы 220 – 225 күмюш эди. Яни чоукъусы адий къоранталар бу параны котерип оламайлар. Заңымызджа, Кызылташлы да бу себептен окъувыны ташлагъандыр. Ве окъув ташланылған сонъ, табий, 1940 сенесинин күзюнде орду хызметине алъына.

Кызылташлы мектепли чагына кельгендже ве мектепли чагында булунғанда, айлевий ве миллий аятында кучюло сарсынтыларгъа оғрай. 1921 – 1922 сенелеринин мутхиша ачлыгъы Кырымда ресмий сайда эпсі олып 100.000 ве олардан 75.000 кырымтатарының яни умумий сайсының учте бир кысымының джаныны алғын олса, сонъра советлер тарафындан 1928 сенеси башланған тоталь колхоз күруджылыгъы бинъыллар девамында шекилленген икътисадий курумны темелинден йыкъып яның күрүм, яни колхоз курумы, тиклемеге тутунмасы, эмекдар инсанға къаршы вахшийдже янашмалар дөгъурды. Шахсий мулькүндөн айрылмагъа, колхозгъа кирмеге истемеген, башланғычта юзбиндердже, сонъра исе миллионларджа ССРР тебаасында инсанлар асылған-кесильген, күршүнгъа тизильген ве советлерниң вахший махкюм лагерьлерине быракъылып гъайып этильгендир.



1931 сенеси Кызылташлының бабасы да апис этилип Акъмесджит тюрьмесине къапатылды. Бабасыз къалған секиз джан балалы къоранта ёкъсуллыкъы, ачлыкъы, бербатларгъа оғрай.

Иште, балалыгъы, осымюрглиги ве генчлиги чагында башындан кечирильген фаджиалы вакъиалар, сыйкынты ве сарсынтылар Кызылташлының айында сакъланып келип сонъундан бир чоукъа берильгенде бедий тасвир васталарынен акс этильгендир.

Амма Кызылташлының балалыкъы ве генчлик деврини ограйнигендеге, ағырдан-ағыр аят зорлукъларындан кечекине бакъмадан, мектеп ве институт тасили аралыкъысыз ве баягъы тюз шекильде откенини коремиз. Кызылташ күзюнде 4 сыныфы бираңжи басамакъ мектебини битиргени вакъыт, бабасы – Эмирусеин акъай апсханеден күртүлүп Акъмесджитте яшамакъта эди. Бабасының арзусынен 1932 сенесинин бааринде Дагъджы Кызылташ күзюнде меркезге, Акъмесджитке, (бабасының янына) алъына. Кене бабасының усанмаз, тедбиркяране ве акъыла-не арекетлеринен бир афтадан сонъра, Кызылташлы Акъмесджиттеннин толу олмагъан орта 12-нджи нумюневий мектепнин 5-нджи сыныфына алъынп тасилини деве. Бу мектептеге 7-нджи сыныфы битиргени сонъ, 1936 сенеси бабасы оны Кырымда мешур олған 13-нджи нумюневий мектепнин 8-нджи сыныфына авшышыра. Бу мешур мектеп 1936 сенеси ачылып, ичинде бутон кырымтатар олған 726 талебе эпсиси фенлерни озь тиллеринде кечмекте ве мектеп мудюрглигини Фатиме Къадымуллаева эда этмекте эди [4, с.108]. Тамам бу ерде дерс берген эдебият оджасы Акимова сойадлы ханым яваш-яваш Кызылташлыда бедий сөзге авеслик уяндыра. Кызылташлы даа талебе экен, кет-кете озю де къолуна къалем алъып бедий тасвирджелилеси алмажа тутуна. 10-нджы сыныфта окъугъан вакъыт, яни 1937-38 сенелери, оджасының ярдымынен «Кыыш» серлевалы ильк манзумеси мат-

баа юзюни коре. Генчлер меджмуасында басылған бу шири, табий ки, оның гонъюни котерип даа башкъа эсерлер идкет этмеге авесини къозгай.

Бугуньде тек Русиениң Москвадаки ве Петербургдаки меркезий күтүпханелеринде топлу шекильде сакъланған джеккентен эвельки кырымтатар матбуаты арасында 1930-нджы сенелеринин экиндже ярысында нешир этильгенд жыйынтык ве меджмуаларда Кызылташлының бир сыра эсерлерини тапып олдыкт. Шу джумледе «Эдебият ве культура» меджмуасынин 1939.-№9 – 10 («Севдигим Ялта» шири); сонъра «Яш ленинджилер» адлы айлыкъ меджмуасынин 1939.-№ 2, № 3, № 4, № 6 – 7, № 8 – 9, № 12; 1940.-№ 1, № 4 ве 1941.-№ 4, № 5 номерлеринде «Кыышта», «Къарт анат къувана», «Гуль», «Кельди баар», «Баар сабасы», «Севгеним бу яз геджеси», «Акъшам олса», «Буль-буль ве мен», «Кызыл аскер», «Айшечик», «Самолёт», «Оськен юрек», «Бешик йыры», «Къушлар тюркиси», «Баар» киби ширилери ве «Артекте» икъеси басыла. «Совет эдебияты» меджмуасынин 1940.-№ 11 (учи шири), кене 1940 сенеси «Эдебий Кырым» меджмуасында «Атланайым атыма» ве «Кой акъшамы» ширилери басылғаныны коремиз.

Булардан гъайры, джек вакътында (1941 сенеси) Украина да язылған «Беринъиз атамның кылышчыны маңы», 1944 сенеси Берлинде язылған «Йылдыз» ве 1946 сенеси Лондрода язылған «Кырым, мени анъасынмы?» ширилери 1957 сенеси Анкарада чыкъкъан «Кырым» меджмуасында басылған эдилер [5, с. 71-73].

Буларга къошма оларакъ о девирниң генч эдебиятчысы Зинабаддин Келямовның 1941 сенеси чыкъкъан «Совет эдебияты» меджмуасында нешир этильгенд макъалесинде [6, с.67] Кызылташлының нумюне сыйфатында берильген «Дагълар» шириндөн дөртлюги корюнди.

Булардан гъайры, о заманың матбуатында биз тапып оламагъан, амма Кызылташлының хабер бергенине коре, о девирде «Сёйленъиз диварлар» (1940) эпик манзумеси де нешир олунғандыр. Бу эсер рәметли языджымыз Риза Фазыл тарафындан 2012 сенеси тертип ве Акъмесджитте нешир этильгенд «Севдигим Ялта» джыйынтыгъында булунмакъта.

1938 сенеси Акъмесджиттеги педагогика институтының тарих факультетине киргенд Кызылташлы, студентларында айткъан «Совет эдебияты» меджмуасында нешир этильгенд макъалесинде [6, с.67] Кызылташлының нумюне сыйфатында берильген «Дагълар» шириндөн кылышчының чешит ерлеринден (Ускют, Эски-

Кырым, Арт-Этек, Багъчасарай ве дигер ерлерден) газета ичюн кой ишлери ве койдеки медений аят акъкъында махсус репортажлар азырлай. Яни мектеп чагында къолуна алъынған къалеми вира ишлене, язы теджрибеси ве тасвир усталыгъы арта.

Гонъюло ташкъан генч шаир яз геджелери (таталары ве ана-бабасы яткъан сонъра, бир одада отурмагъа биле ер буламагъан алда – къардашлары ве ана-бабасы иле 10 джан эдилер) тышары чыкъып, эвлери янында олған электрик диреги астында ерлешип директеки лампа алтында джошкъунлыкъынен китап оқумаларына далып кете. Базен уфа чыкъып олса да, эсер артындан манзуме артындан манзуме сыралай. Эр сатырындан, дөртлюгиден, манзум ве менсюр парчаларындан къалеминин кучю арта, къулланған бедий васталары уйгунлаша, яраткъан бедий типлери, тасвирлери даа айдын, даа табий оларакъ джанланырыла.

«Кыыш» (1937) адлы ильк шириндөн тасвирлемеге оғырашкъан Кызылташлының заманда сонъ, «Сёйленъиз диварлар» (1940) киби тарихий, социаль меселелерни котерген эпик манзумесини яратып олды. Багъchasaraidaki Xansarayны зиярет эткенде, тарихчи зенаатыны алаяткъан генчнин тарих хатырасы артыкъ кечмишинин джанлы левхаларыны кино ленталары киби айланырымакъта. Эскидеки кучюло миллий девлети, буюк медениет ве илими, къалабалыкъ халкъы... Раат-раат озъ-озюни идаре эткен, кимсеге бойсунмагъан, озъ менфаатыны гузель бильген, анълагъан ве озюни эр бир душмандан ве душманлыкътан къорчалап олған девлети шимди къайда ...

Джеллят советлер режимиңин гъает серт цензурында алтында булунған меджмуалар ве языджылар нелер айта бильдилер...

Сус, тилем! Сёйлеме, сёйлеме, сёйлеме!  
Диварлар сёйлесин, сен исе, кель, динъле!  
Диварлар пек къарттыр, диварлар тарихти,  
Диварлар тёкюльгөн къанларгъа шааттыр.

Сёйленъиз сиз манъа, сёйленъиз, диварлар!  
Сарайда не олду, Сарайда нелер бар?  
Сёйленъиз, не ерде гузеллер агълады,  
Къальбинде севгини нелерге багълады?

Не ерде, насыл хан атланды атына?  
Къайсы бир къапудан чыкъты о ятына?  
Къайсы бир топракъта душманнен чарпышты?  
Не ерде баш кесип атлысы чарпышты?  
.....

Мына шу мезарлыкъ, мына шу Герайлар...  
Сарыкълы баш ташлар козюме къарайлар,  
Сессиз ве солукъсыз мен кирим... доланам  
Мезарлар ташына даянам, ойланам...

Козюме бакъалар дүйгүсүз дюрбелер  
Бизлерни къурттар деп, эллериң берелер...

Къызылташлының матбаа юзюни корыген парчалары яваши-яваши Къырым интелигенциясы, зияллашы ве языджыларының дикъкъатыны джельп этмеге баштай. Эдебий меджмуаларда эдебиятшынастыкъ ве эдебий тенкъит рубрикаларында иджадына, къысъка олса да, базы къыйметлер кесиле. Меселя, Къырым Языджылар Бирлигинин реиси олгъан Шамиль Алядинин «Къырым совет татар эдебияты» макъаласынде Къызылташлының иджады акъкъында бойле сатырлары коремиз: «Яш шаирлерден Дженгиз Дағъджы аркъадаш ильки басылгъан шириндеге озюнин кениш истидаты олгъаныны исбат эти, «Ялта», «Дагълар» ве дигер ширилери бунъа шааттыр. Дж. Дағъджы илериде буюк нефис эсерлер дөгъураджагъыны ишандыргъан аркъадашты» [7, с.38].

Къызылташлының замандашларындан бириши яш языджы Зинабаддин Келямов исе, оның иджадына бойле къыймет кесмекте: «Биздеки яш шаирлер арасында даа бир сой бар. Олар озы хаялларында бир символ яраты, ону айбетлей, охшай ве буннен рухлана. Бойле абстрактлыкъ янны заманъа башлагъан инсанларда олып тургъан, дерлер. Меселя Дағъджының «Дагълар» адлы шириини алышыз. Автор туманлы дағъларга бакъып:

Шириинъ ильхамы, шириинъ сёзю,  
Келинъиз, дағъларым, сарайым сизни,  
Сизлерге бакъкъан о, душманнинъ козю  
Кёр олсун, меним козъ бебегим – дағълар,  
Сизлерчон садыкъ бир аскерим, дағълар!!!

Шириинъ бу абстракт джошкъунлыгъы поэзияның тюкенмез чокърагъы олгъан акъикъий, зенгин омюрге урунъын дағыла. Шубесиз, озы узеринде чалыш-

са «Кой акъшамы» киби гузель пейзаж берген ширилдерден гъайры, бельки терен гъаели, сюжетли ве образлы эсерлер де яраты билир» [6, с.67].

Къырым девирине айт заманларда къырымтатарджа язылгъан ве 1945 сенеси тамамланган «Къоркъунч йыллар» романыны къайд этмели. Бу роман 1955 сенесинден башлап «болюм-болюм оларакъ толу без зарфларының ичинде» Лондрдан Тюрике «Варлыкъ яйынлары» нешриятына ёлланыла. Романы башта окъуп чыкъкъан Яшар Наби бойле къайд этмекте: «Мектюпнинъ де, икяенинъ де беян этильмесинде ве шивесинде акъсакълыкълар бар эди. Язджының тилини, яхши бильмеген Тюрике тюркесине якълаштырмакъ ичюн элинден кельгенини япъаны белли эди». Бир тарафтан, эсерге къыймет кесип, экинджи тарафтан, шише «къусурлыгъыны» аньлатарақъ, Яшар Наби фикрини шойле девам этмекте: «Бу кучлю санат эсерининъ деръал яйынланмасына къаршы тек мания бар эди: тили, шише тарафындан илери кельген акъсакълыкъларны тюзетильмеси шартты...» Романга къыймет кесеркен, Яшар Наби бойле дей: «Бу дередже яшантан, бу дередже ис этилип язылгъан бир фаджианы инсаннинъ тюллери къоркъмадан окъумасы, сонъунда медениет адь алтында ишленген джинаетлерни лянетнен аньтамасы имкянызыдыр...» [2, с.6].

Яни Къызылташлының бу эсери къырымтатарджа олып, Тюрикеде нешир этильмеси ичюн («романың тилини, къолайджа, тутунмадан окъунаджакъ бир шекильге къоймакъ керекликкен») Яшар Наби ве аркъадашы Зия Осман Саба тюркчелештире арекет эткендирлер. Озюнинъ языджылыкъ фаалиети акъкъында тюшюнгенде Къызылташлының озу де, романларыны, хаялий олса да, Къырымда язгъаныны айта. 1998 сенеси Истанбулда нешир эткен «Hatralarda Cengiz Dağcı. Yazarın Kendi Kaleminden» китабында бойле язмакъта: «Керчектен де романларымы шуур алтын даа Акъмезджитинъ 13-нджи орта мектебинде экен, язмагъа башладым десем, ольчиону къачырмаджагъымы тюшюнем» [1, с.53-54].

Къызылташлы къарысы Регина-Барбара Клешко илие къорантасында лех тилинде къонуша эди. Русча эсер язгъаны да беллидир. Меселя, 1946 сенеси рус тилинде оның «Большая ложь» («Буюк ялан») пьесасы языла. Мелек ханым Макъсуд огъулуның хаберине коре, Къызылташлының инглизджеси де мукеммель эди. Яни Къызылташлының сербест оларакъ бир къач тиллерде эсер язмагъа икътидары олгъаныны козъ оғонде тутмалыдыр.

Сонъ сенелери Къызылташлының ильк эсерлери янныдан нешир этилиргенде, базы муарирлеримиз генч шириини язы имлясыны, ширилериnde озы вакътында къулланылган базы сёзлери денъиш-

тирмеге, «редактиремеге» озылерине бордж танымакъталар. Меселя, «Севдигим Ялта» шириндеге Къызылташлының къулланган «къанатым чездим» ибареси ерине «къанатым чоздым» деп денъиштирильген. Албу ки, ширининь бундан сонъки сатырында Къызылташлы онъа къафие оларак «багъыны кездим» ибаресини къулланылдыр. Яни шири муарир элинден кечкен сонъ базан сес уюшмасыны ве аэнкини денъиштире. «Атланайым атыма» парчасында исе, «Дагълар кечип бу ватаннынъ меркезине барайым» ерине, «Ёллар кечип Акъмезджитинъ меркезине барайым» киби уйдурылган сатыр къулланылмакъта ки, бу артык ширининъ манасыны да бозмакъ сайлыры...»

Къызылташлы генчлик девиринин джошкъунлыгъы, ильк севгиси, дүйгү къайнамалары ве этрафында аятнынъ, зенгин табиатнынъ, тынмаз иш-арекеттинъ инджеликлерини, хусусиетлерини озъджесине бир бакъышнен тасвир этмеге чалышканыны коремиз. Аятнынъ ильк басамакъларында гъает серт ве гъарез, залим акимиет режиминин баскъысына, эзмисине бакъмадан, гурь джанлы, чокъ ренкли, исси ве саф омюр ирмачыкъларыны коре бильди. Ватанының дюльберлиги, халкъының бинъылларнен шекилленген миллий хусусиетлери, ачыкъонъюллиги, таби сафлыгъы яш ширинин рухуна рух, къалемине куч бердилер. Ве бу иджадий башлангычтаки юрт сыйджагъы, ватан къоъкъусы, этрафында табиатнынъ бутонлигинен сагъынма ве миллий, тарихий догъумушлыкъ тамырлары сонъундаки буюк иджадий энишлеринин сагълам, къавий темели олып, ят иллэрдеки узакъ омрю девамында рухий ве иджадий таянч ве къавий инанджына чеврильгендирлер.

#### КЪУЛЛАНЫЛГЪАН МЕНБАЛАР

- Dağcı C.** Hatralarda Cengiz Dağcı. İstanbul:ötüken.-1998.-271 s.
- Yaşar Nabi.** Bir kaç söz. Dağcı C. Korkunç yollar. Roman. İstanbul: Varlık yayınları.-1975.-305 s.
- Интернет ресурс: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1190733-kogda-v-sssr-bylo-vvedeno-platnoe-obrazovanie.html>
- Абдульваапова Л.К.** Джынгъыз Дағъджының эсерлеринде мекян оларак Акъмезджит//Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры.-2017.-№1(4).-с.103-110.
- Хатырларда Дженгиз Дағъджы.** Тертип эткен Юнус Къандым. Акъмезджит: Къырымдевокъуведнешир.-2000.-108 с.
- Келямов З.** Поэзиямыхакъында // Совет эдебияты.-1941.- № 2.
- Алядин Ш.** Къырым совет татар эдебияты // Совет эдебияты.-1940.-№ 11.

## Дженгиз Дағджи и его исторический роман «Молодой Тэмучин»

**Ранетта ГАФАРОВА, кандидат филологических наук, доцент**

Дженгиз Дағджи – единственный крымскотатарский писатель, который еще в послевоенные годы начал писать о Крыме и крымских татарах. Первый роман он издал в 1947 году. Дженгиз Дағджи известен как писатель-романист, посвятивший большую часть своих произведений довоенному Крыму крымских татар.

Примечательным и малоизвестным фактом является то, что по образованию Дженгиз Дағджи – историк.

Писатель в «Дженгиз Дағджи в воспоминаниях» пишет: «1937 год. После окончания средней школы я поступил в Акмеджитский (Симферопольский) педагогический институт. В то время в Акмеджите было два высших учебных заведения: одно – Симферопольский медицинский институт, другой – педагогический институт. Многие выпускники 13 средней школы в основном поступали на факультет крымскотатарского языка и литературы педагогического института (так как там готовили для крымскотатарских школ), некоторые – в медицинский институт, единицы шли в Куйбышевскую высшую военную школу, а остальные выбирали технические учебные заведения. Я выбрал исторический факультет педагогического института. Почему история? Даже не могу ответить». Но впоследствии в своем четырехтомном сборнике «Yansınlar» («Отражения») детально описывает ответ на этот вопрос: «У меня был друг из Кезлева (Кезлев – один из старинных городов Крыма). Он намеренно поступил на исторический факультет с целью посвятить себя написанию правдивой истории Крымского ханства. Он убедил меня, что после окончания института надо выучиться в аспирантуре и защитить кандидатскую диссертацию на тему «История Крымского ханства», а затем написать содержательную книгу о крымских ханах. Он настолько меня увлек этой темой, что из-

любленным нашим родным местом стала институтская библиотека. Мы жили там, для нас это было святое место». Далее Дженгиз Дағджи вспоминает, что, перечитав всю библиотечную литературу о Крыме, они не могли найти объективную и правдивую литературу о Крымском ханстве, только обнаружили одну статью, в которой говорилось о том, что центром Крымского ханства является Бахчисарай, «гнездо разбойников». Именно это и подтолкнуло их серьезно изучить историю и написать книгу о Крымском ханстве. Так, вместе с его литературной корреспондентской деятельностью начали развиваться навыки историка-хронографа. История Крымского ханства полностью поглотит Джениза Дағджи, он начинает работать со всеми архивными данными по этой теме. Однако в 1939 году начинается Вторая Мировая война, и в декабре 1940 года Джениз Дағджи будет призван в ряды Советской Армии. На этом обрывается учеба в институте.

Впоследствии его знания истории будут опровергнуты в романе «Genç Temuçin» («Молодой Тэмучин»), повествующем о детстве и отрочестве Чингисхана. По жанровому определению это единственный исторический роман Джениза Дағджи, написанный в 1969 году.

Роман повествует о таинственном рождении сына у Есугей-баатура и его жены Озлун-ээ. При рождении в руках младенца, сжатых в кулак, найдут кусочек красной грубой шерстяной ткани, которая будет излучать ослепительный необыкновенный свет. С того момента среди воинов армии монголов будут ходить легенды о младенце. Есугей Баҳадыр дает ему имя Тэмучин в ознаменовании победы над Тэмучином-Уге. Затем в народе мальчика будут называть Молодой Тэмучин. С тринацати лет будет вместе с отцом ездить верхом и ходить в походы. На протяжении всего повествования автор делает акцент на самоутверждении личности Тэмучина, его мужестве, смелости, честолюбии и сво-

бодолюбии. Джениз Дағджи, будучи мастером пера, детально дает психологическую характеристику своим героям. «Молодой Тэмучин, был высокого роста, сильный, с голубыми узкими глазами, взгляд был, как у кошки, проницательный с горящими искорками. <...> За четыре года он еще больше вытянулся, плечи, руки, ладони окрепли, он возмужал, но глаза, остались такими же, но еще ярче искрились» (перевод с турецкого Ранетта Гафарова).

Дженгиз Дағджи, основываясь на достоверных исторических фактах, в художественной форме, присущей роману, вводит нас в мир того времени, подробно описывая жизнь, быт, этногенез таких родов, как монголы, найманы, меркиты, алтайцы, китайцы, черные кытам, татары, белые татары, черные татары, чексар татары, тайджуты, ойраты, удуты, уйгуры, баргуты, онгуты и др. Детально описываются рода, племена, их взаимосвязи, победы, поражения, интриги, распри.

В романе представлены имена известных исторических людей, например: Кайгун Ботыр, Бирге, Кутлудаг, Тэмучин Уге, Чилей Эке, Бектар, Бортай и др.

Роман пестрит топонимикой монгольских степей. Автор живо описывает природу, с ее особенностями, что позволяет представить красоту таких рек, как Байкал, Керулен, Онон, озер Чулун, Буюр, величие гор Бурхан, Дархан, Найман, Алтай и др.

Историку по образованию, Дженизу Дағджи удалось достоверно показать события того времени, с элементами художественного стиля, которые придали роману особый колорит.

На наш взгляд, исторический роман «Молодой Тэмучин» еще раз подчеркивает многогранность творчества Джениза Дағджи. В каждом его романе читатель находит для себя то, что ему дорого.

#### Литература

- Cengiz Dağcı, Genç Temuçin, Ötüken Yay., 1969, İstanbul.
- Cengiz Dağcı, Yansınlar: 4 Cilt, Ötüken Yay., 2014, İstanbul
- Cengiz Dağcı, Hatralarda Cengiz Dağcı: yazarin kendi kaleminden, Ötüken Yay., 1998, İstanbul

# «Лагерная проза» в нашей литературе

(перевод с крымскотатарского)

Говорить о «лагерной прозе» в нашей национальной литературе стало возможным лишь в конце XX века – после «перестройки». Объективной причиной такого положения являлось то, что в советское время объёмные произведения на упомянутую тему были строго запрещены, и даже если они были скрыты



но написаны, заведомо известно: их не напечатают. В этих произведениях описывается весь «судный день», пережитый одним поколением, таким образом, осуществляется стремление пропустить его сквозь сите морали и философии. И у нас есть такие произведения, представители старшего поколения пронесли на плечах и в сердцах описанные в них горькие воспоминания, прочувствовали их изнутри. Так вот, одним из произведений, описывающих жизнь в лагере, является роман Дженигиза Дагджи «Страшные годы» («Къоркъунч йыллар»), который,

несмотря на то, что был написан в сороковые годы, свет увидел лишь в 1956 году. Другое произведение «лагерной прозы» – роман Ибраима Паши «Живая цель» («Джанлы нишан»), написанный в 1988–1990 годы (здесь также можно отметить произведения Джевдета Аметова, Сабрие Эреджеповой).

В двух названных произведениях с высоким драматизмом описываются испытываемые человеком мучения. Если Садык Туран Дженигиза Дагджи, попав в плен к немцам, вкусила ужасную, страшную жизнь концлагеря, то в исторической части романа «Живая цель» мы видим муки, которые испытывал Смаил Темет в сибирском лагере. Последний, как и Дженигиз Дагджи, был живым свидетелем тех трудностей (попавший в 1944 году в «трудармию» Ибраим Паши оказывается в Кемеровской области). Описание событий с помощью героя даёт возможность писателю, основываясь на художественном вымысле, наблюдать за этим главным героем со стороны. Например, выбор имени для главного героя Дженигиза Дагджи, Садык Туран, неслучаен. Имея склонность к политическим взглядам приверженца турецкой идеологии (туранизма) Зияя Гёк Альпа, Дагджи хотел показать пример преданности Туранизму. Таким образом, между этими двумя романами существует принципиальная разница в идеологическом направлении. Если в произведении Дженигиза Дагджи, несмотря на представленные образы с довольно резким характером и совершамыми ими грубыми действиями (например, Шишков), у читателей не возникает ненависти к этим личностям. Чувство ненависти возрастает по отношению к создавшим нечеловеческую социально-политическую систему большевизму, коммунизму и фашизму. В образе героя романа Иб-

раима Паши Сейдамета Шерифова не чувствуется тепло национальных чувств, поскольку он является преданным той системе человеком: он был видным руководителем в Крыму (председатель сельского совета, председатель колхоза, партизан), и в депортации его видели подходящим для выполнения ответственных должностей (комендант, председатель колхоза). То есть, будучи крымцем, Шерифов воплощает в себе противоречивый для своего народа образ. В романе же Дженигиза Дагджи неприязнь к национальным и идеологическим врагам объединяет и крымца, и узбека, и туркмена, и казаха, и азербайджанца, и киргиза.

Здесь стоит отметить, что профессор А. Эмирова в своих выступлениях и статьях указывает на то, что у Дженигиза Дагджи не было плохого отношения к русскому народу и его культуре, наоборот, он вырос под воздействием русской культуры и литературы. Поэтому, возможно, любой человек с крымской земли был своим для Садыка Турана (как и для автора; ведь в довоенном Крыму между разными народами были теплые отношения). Вообще, родившиеся и выросшие на крымской земле – будь то еврей или русский, армянин или грек – связаны друг с другом нитью родины. По мнению писателя, у них в крови помогать друг другу, это обычное дело. Так вот, один из таких образов – русский по происхождению, уроженец Алушты Гриша Калачёв – представлен в позитивном свете: он – обычный парень, его крымскотатарский, хоть и с ошибками, но такой сладкий. В одном из отрывков произведения автор пишет даже так: «Этот Гриша с его татарским был ещё ближе моей душе». Таким образом, писатель создает типичные образы людей, живущих в Крыму и за его пределами...

Беспокоящийся за будущее своего народа и тюркизм Дженигиз Дагджи с большим волнением и трепетом приступает к тому, что начинает рассказывать миру о событиях, произошедших в недавнем историческом прошлом. Постепенно эта тема переходит, возможно, в главную тему его творчества. Согласно нашему мнению, в этом произведении важна не его художественность, художественная форма, а поднятие тем и идей, категорически запрещенных для нашего народа на протяжении всего XX века и по сей день. Внимание читателя приковано к противоречию в душе Садыка Турана, вызванному столкновением добра и зла. Таким образом писатель описывает национальный характер с помощью реальной исторической среды.

Понятно, что освещать господствующую в те годы в Советском Союзе реальную социальную и политическую обстановку, отношения между людьми могли только те, кто, как и Дженигиз Дагджи, вследствие войны смогли спастись, сбежав отсюда. Если бы остался за железным занавесом, как писал одноклассник писателя Рустем Муедин, может, был бы вынужден продолжать сочинять такие пафосные строки «для того чтобы продвигаться вперед в сфере литературы»:

*Пока вождь Стalin жив,  
Не испытает человек бедствия и неудач.  
Выросшее вместе со Сталиным сердце  
Никогда не утомится.  
(Дай Стalin сагъ олгъанда,  
Инсан оғылу хор олмаз.  
Сталиннен осъкен юрек,  
Ич бир вакъыт ёрулмаз).*

Продолжение следует...

Шевкет ЮНУС,  
канд. филол. наук, доцент

## Не забывать о Дагджи, вспоминая Айтматова ...

Если вы читаете эту статью, не забудьте прочитать суро аль-Фатиха за эти два смелых сердца...

Дженигиз Айтматов родился 12 декабря 1928 года в селе Шекер, в Киргизии. Из-за того, что взрослое население было на войне, молодые должны

сельскохозяйственном институте. Отсюда, перейдя в Литературный институт имени Максима Горького, Айтматов начал писать в газете «Правда».

Получив известность благодаря своим произведениям, он в 1957 году был принят в члены Союза писателей

как фильма «И дольше века длится день» ему стало плохо, после был диагностирован с почечной недостаточностью. Для лечения его привезли в Германию. Дженигиз Айтматов, который проходил лечение в клинике Норд, умер 10 июня 2008 года.

в истории, заключается в том, что он значительно упоминает своих людей и свою географию.

Не следует забывать, что в географии тюркской культурной есть два великих Дженигиза: Дагджи на западе и Айтматов на востоке. Для нашей культуры важны и

«восток», и «запад», потому что набеги с востока на запад длились веками. В то же время это означает встречу тюркских племен в такой же культурной среде... Если вы начнете с «Прощай, Гульсары!» или «И дольше века длится день» и дойдете до «Куклы, подвешенные на ветку миндаля» или «Они тоже были людьми», эта встреча приобретет свое истинное значение.

Самая большая потребность тюркского мира сегодня состоит в том, чтобы убрать культурные границы, несмотря на географические расстояния. Если Дженигиз Дагджи и Дженигиз Айтматов встретятся друг с другом так, как встречаются Запад

и Восток, Дунай и Сырдарья, то есть, если вы объедините их вместе, эта большая география буквально станет «культурной географией». С одной стороны, они напомнили нам о великой истории; с другой – разоблачили/раскрыли невиданное злое для всего мира. Они остались со своей болью и тоску в письме... Они рассказали без страха и молчания.

Тугба КУРТ ЙЫЛДЫЗ

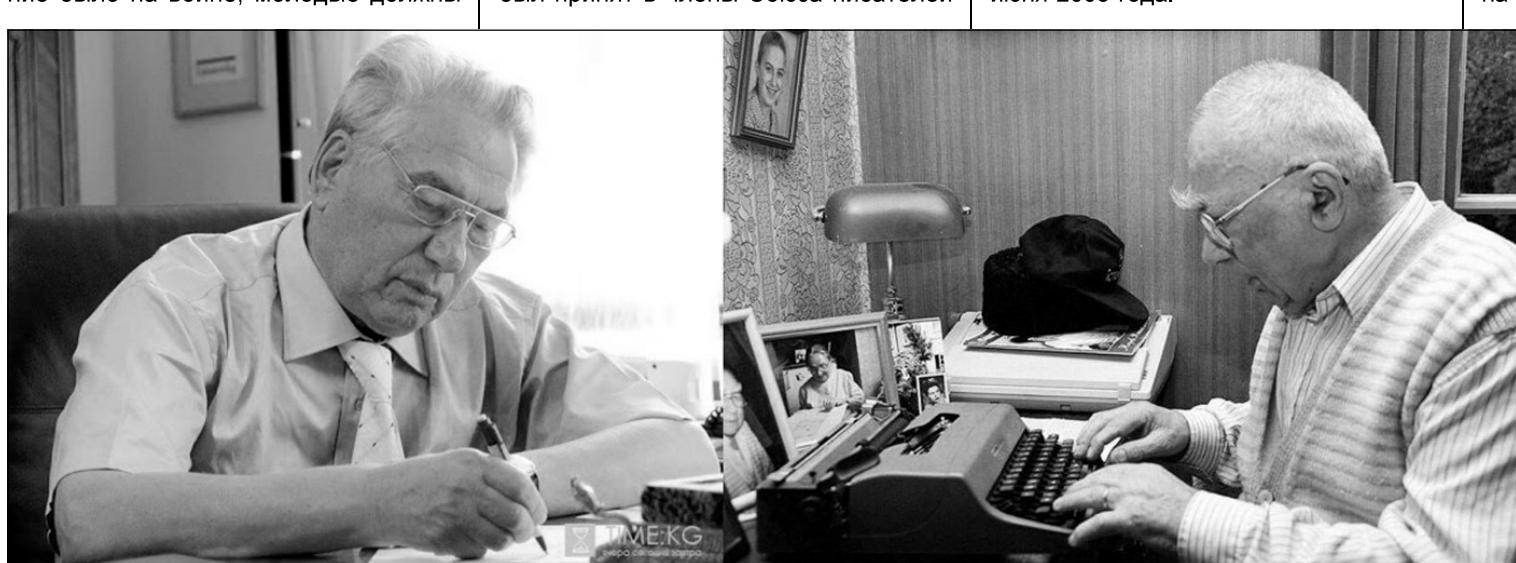
были работать. Когда Айтматову было еще только четырнадцать лет, он работал в секретариате своего села на таких работах, как подсчет сельскохозяйственной техники и сбор налогов. Позже уехавший из села Шекер в Казахстан Айтматов учился в Джамбульском ветеринарном техникуме. После этого он отправился в Бишкек и продолжил свое обучение во Фрунзенском

СССР. В 1963 году получил Ленинскую премию. Его работы были переведены на более чем сто пятьдесят языков, включая турецкий.

В период с 1990 по 1994 год он в качестве посла представлял Советский Союз и Российскую Федерацию, а затем до 2008 года – Киргизскую Республику.

В 2008 году, будучи в России, на съем-

Сколько бы его не вспоминали и не говорили о нем, все равно мало... В центре его произведений всегда находится «Человек». Описывая киргизский народ в узком смысле, писатель на самом деле в широком смысле описывает весь тюркский мир. Прежде всего, универсальный подход к общим чувствам человечества создает ресурс/источник. Особенность Айтматова, которая оставит след



и продолжит в будущем.

СССР. В 1963 году получил Ленинскую премию. Его работы были переведены на более чем сто пятьдесят языков, включая турецкий.

В период с 1990 по 1994 год он в качестве посла представлял Советский Союз и Российской Федерации, а затем до 2008 года – Киргизскую Республику.

В 2008 году, будучи в России, на съем-

# К вопросу о поэтике Дженгиза Дагджи

[Эмирсунова Н.К., кандидат филологических наук, доцент]

Художественное творчество известного крымскотатарского писателя Дж. Дагджи в последнее время все больше привлекает внимание отечественных литераторов; появляются переводы на



ми событиями, создают иллюзию свободно текущего повествования.

Сам автор заявляет, что пишет «не роман, но в форме романа», или, что некоторые главы «написаны как роман» [6, с.89]. По поводу своего другого автобиографического произведения «Отражения» он признается, что в нем «реальная жизнь, рисуемая силуэтами воображения представляется более реальной и убедительной» [6, с.208]. Итак, автор утверждает, что его «Воспоминания...» (как и «Отражения») не являются простым документальным свидетельством очевидца при всей их фактографичности и точности.

В свои воспоминания Дж. Дагджи вставляет фрагменты из других своих романов, письма вымышленных героев, постоянно сравнивает себя с Садыком Тураном («Страшные годы») и с Измаилом Тавлы («Мы вместе прошли этот путь»), перечисляя общие черты и принципиальные различия; пишет о вымышленных персонажах, как о вполне реальных; они словно живут рядом, обогащают духовной энергией их создателя («кызылташские Бекиры и Энверы и гурзуфские Ниязи и Вели»). Высказывание писателя: «Я был рядом с героями романов, я был одним из них» – неслучайно. Дж. Дагджи осознанно направляет читателя на восприятие особенностей своего повествования, формируя в его сознании представление о своеобразии художественной концепции.

Писатель обнажает свой ведущий художественный прием: «Я иду одновременно в две стороны – вперед и назад» [6, с.155]. Этот прием позволяет ему свободно совмещать прошлое и настоящее в их взаимосвязи и переплетении, как это происходит в памяти человека, погруженного в воспоминания.

Писатель включает в свое повествование два уровня воспоминаний: воспоминание о реальном событии, которое протекало в реальном времени и пространстве и воспоминание о том, как эта же ситуация нашла свое отражение в художественном тексте.

Очень показательно в этом плане изображение проводов в армии. Автобиографический герой фиксирует в своей памяти конкретные детали: «пустой чемодан», «отсутствующий взгляд матери», книги, которые он берет с собой. Вымышленный же персонаж из романа «Мы вместе прошли этот путь» Измаил Тавлы обращает внимание

на другие детали. «Тетя укладывала в чемодан те же самые вещи, которые укладывала в тот вечер для отца», томящегося теперь в застенках ОГПУ. Прощаясь, она сказала: «Тот, кто выезжает из родных мест, оказывается в тюрьме».

В художественном произведении писатель заостряет тему тюрем, неволи, отторжения от родных мест. Такие двухуровневые воспоминания позволяют писателю быть конкретным и предельно беспристрастным в изображении фактов из своей биографии и одновременно, через сравнение с фрагментами из романного текста, ввести лейтмотивную тему всего творчества – трагедию человека, насилиственно лишенного возможности быть со своим народом на родной земле.

Такова существенная грань художественного мышления Дж. Дагджи; именно принцип «совмещения времен» пронизывает всю структуру автобиографической книги, своеобразно перекликаясь с его романами, в большинстве своем автобиографичными, в которых прошлое определяет и сегодняшнюю постоянную тревогу автора за благополучие своего Гурзуфа и Кызылташа, где прошлое, сопрягаясь с настоящим и будущим, осмысливается сквозь призму большого исторического времени. Этот принцип писателя – не простой модернистский трюк, а глубинная философско-эстетическая доминанта его поэтики: прошлое – это «потерянный рай», «мир детства и юности» – скала с окаменевшей фигурой девушки – море с песнями рыбаков – виноградники вокруг Суук-су – цветущий край – Крым; настоящее – возвращение – обретение «потерянного рая» – хрупкость обретения – вера в бессмертие своего «молчаливого» народа.

Поэтому писатель, размышая о текущей современности, все время возвращается к далекому, опоэтизированному, подернутому дымкой печальной романтики прошлому.

Прошлое для Дж. Дагджи не было только прекрасным, во второй части своей книги он рассказал о страшных годах Второй мировой войны. Протокольно точно описан концентрационный лагерь в Умани, куда он попал в самом начале гитлеровского нашествия:

«А) на каждой стороне широкой дороги в центре лагеря – по шесть бараков;

Б) перед каждым бараком – просторная площадка;

В) двусторчатые двери каждого барака обвиты колючей проволокой; Г) лагерь окружен колючей проволокой до 10 метров... »[6, с.91].

Этот сухой отчет, фиксирующий обостренное потрясением воспоминание, впечатляет читателя не менее, чем описание других ужасов фашистского пленя.

Безрадостные воспоминания сменяются по контрасту светлыми картинами зимнего Кызылташа, всегда живущими в

разливается на ключевые лейтмотивы: образы, символы, звуки, запахи, растения, вещи – которые, повторяясь, рифмуясь, сопрягаясь в своеобразном хоровом звучании, образуют лирико-патетическую напряженность повествования.

Завораживает читателя их повторяемость. Песня рыбака «У нас нет другого кладбища кроме моря» неожиданно отражается в песне отца «Я несчастный, я несчастный», создавая заунывный рефрен надвигающейся трагедии.

Поразителен пример, когда на развороте страниц 16 и 17 около 20 раз повторяется слово «Гурзуф», окруженное разным контекстом, соединенное с разными определениями, эпитетами; простое географическое название превращается в символ – символ «потерянного рая»; в дальнейшем тексте романа именно это основное его значение развертывается, варьируясь, ассоциируясь с другими лейтмотивными образами то по аналогии, то по контрасту.

Таких лейтмотивных образов, которые создают лирико-эмоциональный ритм произведения немного, но они составляют основную часть «конструкции» всего произведения.

В первой части воспоминаний описывается минарет симферопольской мечети, расположенной неподалеку от школы, где учился будущий писатель. «Молитвы в мечети не читались. Намаз не совершался. Михран разрушился, проповеди не произносились»[6, с. 42].

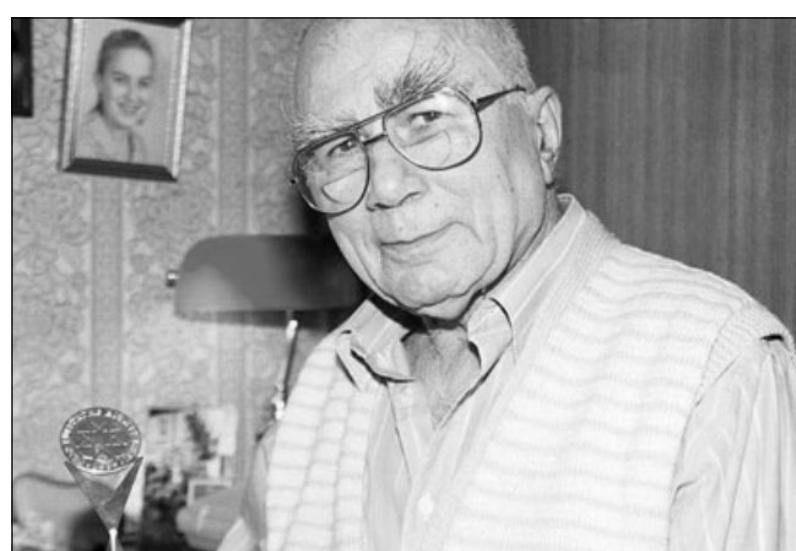
В третьей части стареющий писатель, подводя итоги своего творческого пути, возвращается к лейтмотивным образам: «молитва», «михран», «проповедь»: «Окна читали мои молитвы».

«В их мире (литературных героев – Н.Э.) и вместе с ними на чистой-пречистой земле я читал свои молитвы», – так пишет в конце 1990-х Дж. Дагджи о своих любимых романах «Один из тех, как я», «Письма к матери», «Мы вместе прошли этот путь».

Все эти романы – о беззаветной любви к своей грустно-прекрасной земле, о ее трагедии. «Михран (амвон) для этой трагедии был сотворен в моей душе еще в юности, и я намерен был до самого конца жизни произносить свои проповеди с этого амвона.»[6, с.206]

Так в перекличке-повторе реальный образ заброшенной мечети перерастает в обобщенный символ творческого горения, высшей духовности и высшей ответственности писателя.

«Книга воспоминаний» Дж. Дагджи представляет собой синтез мемуаров, публицистики, лирической прозы; в ней есть признаки романа и эстетического трактата; в нее входят фрагменты из других произведений писателя, что



памяти автора. Суровая зима 1941 года исчезает, растворяется в радостном, счастливом воспоминании о довоенном зиме с татарским названием февраля – каракыш, с народной песней о снеге, «падающем в низины, скапливающемся на карнизах крыш».

Так возникают «воспоминания о воспоминаниях» – один из существенных признаков поэтики Дж. Дагджи. Все эти глубинные, бездонные воспоминания представляют собой своеобразный «поток сознания» писателя, где прошлое, настоящее и будущее переплетаются, взаимно дополняя друг друга, образуя еще одну оригинальную черту поэтики Дж. Дагджи. Назовем ее «лейтмотивность».

Один ведущий мотив – воспоминание о солнечном Крыме детских лет, –

позволяет поставить вопрос о специфической гипертекстуальности поэтики

Дж. Дагджи, классика крымскотатарского зарубежья, научное литературоведческое освоение творчества которого только лишь начинается.

## Источники и литература

1. Йылнынъ медениет адамы // Йылдыз.- 1998. - № 2. – Б. 149-150.
2. Хатыраларда Джэнгиз Дагдже (Язылджынынъ кенди къалеминен). – Симферополь, 2000.
3. Эмирсунова Н.К. К вопросу о поэтике Дж. Дагджи // Брега Тавриды. – 1999. - № 1-2. – С. 144-150.

Дагджи, Джэнгиз. Отражения. 1-4. // Брега Тавриды. – 1991. - № 1 . – С. 151-197.

# Кырым, оны аньарсыны...

Диляра АБИУЛЛА

Кырымынъ авасыны баарьни тазе нефеси толдургъанда, ер юзюни назик акъбардакъ, мелевше, сумбуллар орткен заманда дюньягъа кельген шаир къальби, бу топракъларны озыджанлы, самимий, нефис къалеминен тереннюм этеджек, шерифлейджек, джанландыраджакъ, эбединлештиреджек эди... Ойле де олды! Дженигиз Дагъджынынъ эр бир сёзю, эр бир сатырында Кырым яшамакъта, кечмишининъ сеси, эждатларнынъ седасы ве келеджекни чагъырыши дуолмакъта.

Узакъ месафелерге бакъмадан бутон махиети иле Кырымнен яшагъан, хатырлавларынынъ эр бир зерресини козь бебеги киби сакълап, Кырым-

## Дженигиз Дагъджы

**Руяларда: Ана ве Кучюк Алимджан**

Бизсиз ағълар юртнынъ

бизге асрет ташы топрагъы.  
Ағълар бизсиз юртнынъ чичеги,  
оту, тереги, япрагъы.  
Ағълар юртнынъ боджеклери, къушлары.

Мен янъгъызылыгъымда эр гедже оларгъа иришиrim ве оларны сыра сыра козълериминъ огюне тизип бакъарым оларгъа ве бакъаркен оларгъа яралы рухумнынъ агърысы динер я, кене де оларгъа бакъа бакъа агъларым кунъ ачылгъанына къадар.

**Амма бу гедже...**

Амма бу гедже сен меним къолумда, мен сенинъ къолунда къоркъусыз ве козъашсыз бизим ешиль багъларымызда кезинеджекмиз, къоркъусыз ве козъашсыз денъизимизинъ ялыларында кезинеджекмиз ве кезиниркен, мавы дагъларнынъ шырылтысыны динълайджекмиз берабер, ялыгъа саркъкъан багъларымызынъ асмалары узеринде алты устлю къанат чарпкъан акъ бенекли мавы кобелеклерни сейирэтеджекмиз берабер ве узун йыллар бою бизим ичин отъкен къушларнынъ чывылтысыны динълайджекмиз берабер ве яз язы бизсиз, амма бизге асрет дагъ чичеклерини сейир этеджекмиз, узун йыллар ве узун айырылыкъ къопарып

# Крымских татар хотят лишить великого романиста

Дженигиз Дагджи, ставший классиком крымскотатарской литературы, писателем, сохранившим в своих произведениях довоенный Крым, является знаковым писателем для нашего народа. Однако в последнее время его имя хотят не просто удалить из истории мировой литературы, но и запятнать, оскорбить, заставить крымских татар стыдиться этого имени. Причиной тому – факты биографии писателя. Из автобиографического романа «Дженигиз Дагджи в воспоминаниях. Пером самого писателя» (в переводе на русский язык доктора филологических наук, профессора Адиле Эмировой) мы узнаем, что писатель был студентом призван на фронт, после чего оказался в плену, а затем по воле случая и благодаря своему интеллекту и знанию немецкого языка, находясь в шаге от смерти, оказывается на службе у немецкого офицера, тем самым выживает. Руководствуясь этими фактами, в России Дженигиза Дагджи называют пособником нацистов, коллаборационистом и т.д.

Пару лет назад в Крыму произошел случай, наполовину отпечаток на процесс изучения и популяризации творчества писателя. В 2017 году факультет крымскотатарской и восточной филологии КФУ им. Вернадского организовал вечер памяти Дженигиза Дагджи. Студенты-второкурсники под руководством преподавателя в день рождения писателя провели мероприятие, на котором рассказали о биографии и творчестве писателя, подготовили презентации и видео-материалы. Информацию об этом выложили на сайте университета, и понеслось! СМИ забросали помидорами КФУ, нещадно оскорбляли имя писателя, а руководство вуза в свою очередь пообещало «наказать» организаторов мероприятия. Согласитесь, как в советское время, когда даже сына (как, например, писатель Константин Симонов) вынуждали стыдиться своего отца (воевав-

ны юрегинде джанландыргъан, яшаттыргъан, оны бутон дюньягъа таныттыргъан ве эбединлештирен сынъырсыз кениш, парлакъ гонъюль бу фаний дюньяны терк этип, вазифесини девам этмек ичюн бакъий дюньягъа адым атты.

Сююнет басты этарта бир аньде,  
Кызылташ къаялары матем ичинде.  
Къушлар учушса биле эндишеде  
Адджы кедер дуюла эр бир сесте.

Индже сёз устасы, озъгюн рух саиби,  
Эдебий хазинемизинъ джевехер таджы.  
Эльвида, Кырымнынъ садыкъ эвляды,  
Эльвида, сайгылы Оджа-Дженигиз Дагъджы.

## оламады бизлерни олардан, бу гедже оларнен, гедженинъ сонъунда оларнен кунъ ачылыджакъ козълеримизде ве сен ве мен оларнен текмилъ инсан оладжакъымыз.

### Оларсыз...

Оларсыз не кунюмиз бар, не геджемиз.  
Оларсыз не язымыз бар, не къышымыз.  
Оларсыз не теляшли омюр бар, не де сакин олом.  
Оларсыз ялынъыз ёкълукъ.  
Ялынъыз ёкълукъ.  
Ялынъыз ёкълукъ.

Когда мы жили в Гурзуфе и Кызылташе, для нас не имело значения, зарегистрированы или нет наши имена и даты рождения в специальной книге. Все, буквально все, знали: Фатма ханум из Гурзуфа, жена Эмир-Усеина из Кызылташа, родила мальчика по имени Дженигиз (ровно через два года после предания земле на кладбище Сувук-су четвертой дочери, маленькой Айше). Не было никого, кто не знал бы этого. Любой знал о вас, даже если никогда не видел вашего лица, никогда не брал вас на руки и не целовал в лоб.

С момента рождения вы становились предметом гурзуфских разговоров. Рыбак, на рассвете выходящий в море на моторной лодке, говорил о вас; девушки, сажавшие рассаду на табачном поле, говорили о вас; во время сбора винограда птицы слышали разговоры о вас от Ай-Петри до Аю-Дага.

Дженигиза Дагджи оказывается под запретом. Ярлык дезертира и предателя на нем – это, как обычно, ширма. Настоящая причина нелюбви к этому автору в том, что он в своих произведениях не только описал довоенный Крым, но и продемонстрировал, как крымских татар методично лишали их земли не только после депортации, но и в годы установления советской власти и даже раньше. Дагджи – один из немногих, кто, находясь вне цензурной машины, мог это делать и успел запечатлеть на страницах своих многочисленных романов то, что мы потеряли навсегда. Кроме этого, как очевидец Дагджи описал позорные для советской армии первые годы войны. Писатель в своих воспоминаниях описывает, в каких условиях молодые бойцы оказались на фронте в начале войны: без оружия, без опыта, без понимания того, что делать. Показательным является тот факт, что соединения, в которых состоял Дагджи, более трех суток отсиживались в кукурузном поле, скрываясь от врага, находящегося в соседнем лесу.

Дженигиза Дагджи называют писателем-дезертиром. Только вчитайтесь! Во-первых, в годы войны он не был еще писателем (написанным в юношестве стихотворением даже сам писатель не придавал особого значения), он обычный 20-летний студент. Вообще, даже если учитывать весь этот бред о коллаборационизме, людей культуры не оценивают по их политическим взглядам, нравственным и моральным

качествам, ведь в противном случае русская литература лишилась бы ряда блестящих имен. Более важен их вклад в культуру. Не секрет, что известный писатель русского зарубежья И.С. Шмелев открыто поддерживал немецких оккупантов и выражал надежду на то, что нацисты повернут ненавистную большевистскую Россию. Творчество Шмелева активно изучают и популяризируют, начиная с 90-х годов. Он, как и Дагджи, завещал похоронить себя на родине, что и случилось.

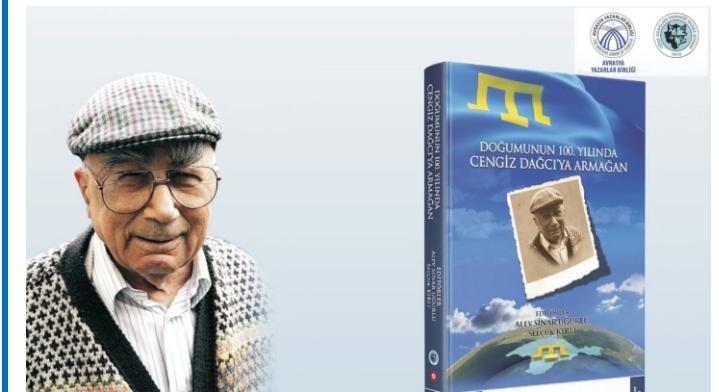
Нравственные качества Мариной Цветаевой, например, и вовсе ужасают: она сдает двух дочерей (7-ми и двух лет) в детский дом. При этом не навещает их, долгое время не знает об условиях их жизни. Младшую дочь в дневниках называет дефективным и прожорливым ребенком. Спустя время забирает старшую, а младшую так и умирает в нечеловеческих условиях, брошенная и забытая матерью. Стихи этой поэтессы учат школьники, образ Цветаевой прославляется и популяризируется.

Нам, крымским татарам, чья литература долго переживала время застоя, не может похвастаться богатой сокровищницей имен и произведений, поэтому каждый писатель у нас на вес золота. Очень хочется, чтобы не только появлялись новые имена, но и не забывались старые, в том числе имя Дженигиза Дагджи. Радует, что исследователи движутся в этом направлении: благодаря упомянутой выше доктору филологических наук, профессору Адиле Эмировой Дженигиз Дагджи «заговорил» по-русски, его роман «Къоркъунч йыллар» («Страшные годы») на русский язык перевела кандидат филологических наук Р.И. Гафарова; научные статьи З.С. Пановой, Н.К. Эмирсуиновой, А.М. Эмировой, Ш.Э. Юнусова призваны сохранить имя писателя в истории крымскотатарской литературы.

Тимур ТАРПАН

# «Подарок Дженигизу Дагджи, обладающего вечным голосом крымских татар»

В Анкаре была организована презентация книги «Подарок Дженигизу Дагджи на 100-летие со дня рождения». Книга, выпущенная издательством Беню в 2019 году и подготов-



ленная Алев Сынар Угурлу и Сельчук Кырлы, была представлена в Культурном Центре Кабакчи 19 апреля 2019 года.

На мероприятии, совместно организованного Союзом писателей Евразии и Бурсским отделением Тюрк Оджаклары выступили с речью в память о Дженигизе Дагджи, президент Союза писателей Евразии Якуп Омероглу, президент Тюрк Оджаклары профессор, доктор Мехмет Озъ, бывший президент Крымской ассоциации Тунджер Калкай, президент Бурсского отделения Тюрк Оджаклары профессор доктор Сельчук Кырлы, один из редакторов книги доктор Алев Сынар Угурлу.

Данная книга была подготовлена в сотрудничестве с 36 академиками.

Книга состоит из двух частей: «В первой главе материал, подготовленный турецкими академиками, всего 22 академика из разных университетов. Во второй главе материал, подготовленный академиками из тюркского мира, всего 14 академиков из Крыма, Киргизии, Казахстана и Азербайджана».

Один из редакторов книги Алев Сынар Угурлу отметил, что вторая часть книги очень важна для них: «Возможно, в нашей книге академики, находящиеся за пределами Турции впервые говорят о Дженигизе Дагджи», — сказал она. Также говоря о нём, Угурлу упомянула, что он действительно пережил «страшные годы», и написал все воспоминания, которые он сохранил в своей памяти, всё о своей родине, а именно про весь Крым и охарактеризовала Дженигиз Дагджи как «вечный голос» крымских татар, а академики, внесшие свой вклад в книгу, описали Дагджи, как голос всех тюрков-мусульман.